

Эд Кузиев

A muscular, metallic humanoid figure stands in a dark, industrial setting. The figure has a highly detailed, textured metallic body and is looking to the left. The background shows dark, industrial structures under a cloudy sky.

Хитера

дитя Феникса

Annotation

Последняя война изменила мир, похоронила цивилизацию и стёрла старых богов. Новое время, что мы называем жизнь после Исхода, диктует свои правила и бросает новые вызовы человечеству.

Эд Кузиев

Химера, дитя Феникса

Глава 1. Становление храмовника

– Даже не знаю, с чего начать. Я родился и жил в большой семье. В нашем контейнере проживало, помимо меня, два моих старших брата Грот и Марик, мать с отцом, дед Тит и сестра Кошья. Бабушку Агату сожгла лихорадка, когда мне не было еще и пяти лет от роду, – переминаясь с ноги на ногу, произнес Я, худой с болезненным румянцем на щеках, босоногий мальчик двенадцати лет. Одежда на мне висела, как мешок, и сразу видно, что она с чужого плеча. Куртка размера на четыре больше и светилась крупными прорезами, штаны из мешковины перевязаны на голенях и поясе травяной верёвкой.

– Представься для начала, – снисходительно улыбнулся старший Септорий Дознания.

– Простите моё невежество, господин Старший Септорий[1]. Имя, данное мне при рождении, Босик. Я родился в третью луну 217 года после Исхода. Третий сын четы охотника и мастерицы, мастера Богарда и Стеллы, – потупив взор, тихим голосом Я произнес ответ.

Септории потеряли ко мне интерес и начали активно перешёптываться. Пользуясь случаем, Я поднял глаза и оглядел помещение, в которое меня запищал отец. Запах перегара от дешевой сивухи и лучной смрад от родителя до сих пор жгли маленький нос. А посмотреть было на что. Вокруг непозволительная роскошь, деревянные полы, крепко сбитые и покрашенные соком черных ягод, были начисто вымыты, даже страшно стоять на них чёрными ногами. Натянутый пластиковый пакет на оконной раме давал много света и причудливым образом менял цветовую гамму помещения. На стенах развешано много фотокарточек разных людей и красивых мест с Земли до Исхода. Да за одну такую фотографию можно безбедно жить и питаться в корчме целую луну, а если ещё она и цветная, то и пить очищенную воду. Сами Септории заседали за большим столом из Старого дерева, скорее всего, что-то из твёрдого и ярко-жёлтого цвета, но не ядовитого. Цвет благородный, затертый до блеска от многочисленного использования. Чем-то белым были расписаны стены, скорее всего, или известь, или толченые кости зверья, смешанные с соком хватай-дерева. На Храмовниках чистые сутаны черного цвета с красной лентой на правом предплечье. На повязке вышит глаз в треугольнике – святой знак нашей церкви.

– Расскажи нам о Таинстве Посвящения, на котором у тебя обнаружили Талант, да поподробнее, – внезапно отвлек меня от созерцания деталей помещения голос Септория.

Пришлось крепко задуматься. У меня крутились в голове сотни мыслей и рассказов других ребят, не всегда приятных, отношение к Таинству отца и собственные ощущения. Мрак, сын водовода – из тех, что тянут воду зеленого цвета из болот, затем фильтруют и продают большими кадками, – рассказывал, что на каждом Таинстве его ощупывают, порой больно, хватают за причинные места и смеются. Девушка Марта, дочь учительницы грамматики и основам счета, смущённо закатывала глаза, но каждый раз после обряда уходила домой с туеском, полным снеди. Папенька матом крыл церковников, говоря о том, что требования каждую луну проводить обряд, это просто другая форма подати; попробуй не

прийти, тебя плетью погонят, да ещё и виру повесят на человека. Благо, хоть Старшие братья уже получили знаки следопыта и охотника. Сестра слаба здоровьем, так что ходить приходилось лишь со мной. Папенька меня недолюбливает за то, что Я хилый и не горжусь на охоту ходить, и лишь возможность зайти после Таинства в корчму и жахнуть бражки перед дорогой домой, немного его успокаивала. Папенька Богард на ласку скуп, но хоть побои редки, не чаще двух раз в седмицу, и то радость. Маменька настояла мне ходить в учительскую комнату и постигать цифру и буквицу, а также появилась возможность читать святыне тексты с картинками. Сам обряд не бесплатный, хошь не хошь, а чешуйку отдай или товар неси на ту же сумму, да не абы какой, а лучший. Но это говорить нельзя. Нужно своими мыслями и пониманием ответить.

– В тот день солнце трижды появилось на небе, что редкость, и даже успело просушить камень поселения. Мы с отцом, помолившись и как следует натошак, пошли в храм за Таинством, дорогу плохо запомнил через лесолесье, больно скользко все оказалось, да и змей несчитано. На помосте уже набралось много людей, что пришли на праздник. Там, помимо известных мне храмовников, Я увидел нового, с острым лицом и цепким взглядом; у брата церкви не было левой руки и шаг неровный. Все шептались и тыкали в него пальцами. Нервозность передалась всем. Братья Ишум и Брутос в тот день не брали жертвования, а лишь страшно пузырили глаза. – Моя речь была прервана каркающим смехом Септориев.

– Смотри, малёк-то не промах, даром, что третьей луной взращён. И походку узрел, и мздоимство младших, за солнцем следит, не удивлюсь, что и счёт понимает, что редкость в его годы, – проскрипел самый противный из септов, с длинным шрамом на лице, что разбил его правую бровь на треть, исковеркал бельмом глаз, посек нос и оттопырил жеванный кусок нижней губы.

– Продолжай, – с теплотой вторил ему Старший.

– Отец Богард сразу подобрался и подмигнул мне, как будто дичь крупную принёс домой, кривонога там или куслицу. Я понял, что он в сильной радости находится. Потом нас разбили парами, мне досталась Марта, она была очень встревоженная и кусала губы. На сей раз все было иначе, речи братья церкви не вели, про стройку тёплого храма не поминали. Тот, кто зашёл, выходили через заднюю длинную дверь, и узнать, что там происходит, не представлялось возможным. Дождавшись очереди, мы с Мартой зашли, нас рывком усадили на скамью причастия. Новый брат наложил длань на лицо Марты, отчего она сразу начала плакать и дрожать. Брат снял с неё руку ополоснул в чане и сказал: – "Сгинь, блудница". Девушка тотчас вскочила и, не разбирая дороги, помчалась прочь. Ко мне одорукий долго примерялся, зажёг лучину об палец и начал кружить ею у носа. Мне стало вдруг тепло и уютно, как на теплом камне после мороза. Я начал засыпать, но всё видел. Я видел топор двухсторонний у брата за спиной и как будто обе его руки, стены в красных пятнах, себя в болячках, хотя, господа, мое тело чистое, Я песком каждый день утираюсь да на костре одежду сушу.

– Тише, тише, малец. Не переживай, говори дальше.

От голоса Старшего Септория становилось легко и уютно, как от редких песен маменьки, когда она сытая и, сидя на теплом камне, гладила меня по голове. Я помню эту песню, про розовое чудовище, которое все обижали, как и меня.

– Продолжай, – каркнул шрамированный, и Я вздрогнул.

– Потом брат взял меня одной рукой и погрузил в купель, мне стало страшно, и я

выпустил весь воздух, что держал в груди. Когда он меня вытащил, меня стошнило водой, так как был натошак, и долго кашлял. Однорукий сказал мне: – "Поздравляю, ты– Светоч путеводный". Потом прибежали Брутос и Ишум, вытерли за мной пол и даже не поколотили. Отвели меня к отцуБогарду, сунули ему туесок и кошель, мне же одели Знак и, поклонившись, ушли. Папенька меня долго выпрашивал в сторонке, а как услышал про Светоча, тотчас заплясал, смешно выкидывая коленца, как при рождении сестры.Потом мы пошли в корчму. Отец много говорил, что его с Маменькой заботой родилось чудо Светоча, и Я должен не забывать их и всячески помогать, потому как сестра хвора, а охотников у нас половина поселения. Так же спросил, в какой цвет лучше выкрасить контейнер. Я ответил, что сестричке понравится красно-жёлтый, как солнце. Потом Отец долго хлопал меня по спине всю дороге, как и люди в корчме, кажется, хотели выбить весь дух из моего тела. Богард купил мне чистую воду и солёный корень бодрости. Он горчил, но Я терпел. Отец много пил и хвастался, что и дочка вырастит, как минимум Искусницей, и сможем перебраться в городище, в смысле уже они, меня-то забирают скоро. Уже вечером чета хозяйина корчмы покормила меня отрубями и сечкой шкуры кривонога и положила спать на лавке в кухне. Утром Папенька допытывал Краснобая, хозяйина корчмы, куда делись все чешуйки из кошеля, и сетовал, что меня нужно было на них одеть и обуть, а теперь стыдкак. Потом отобрал у меня корень бодрости и обменял его на бражку, чтоб не помер в дороге.

Дома братья меня обняли и просили не помнить старое, то есть побои и унижения, сказали, что это для того нужно, чтобы талант проснулся, и старались они для меня. Маменька ругалась на папеньку, потом обняла меня и заплакала, накормила сушенными червями, положив в лоханку на горсть больше, чем братьям. Отправила собирать вещи, а сама до утра шила штаны и поясок и ладила куртку брата. Утром Я пошёл по обычаю, прощаться со всеми соседями. Мрак расплакался, так как теперь он самый слабый в поселении, и просился проводить меня до лесолесья, чтобы доказать свою храбрость и отвагу. Марта в своём контейнере отвела меня за циновку, жарко поцеловала и отдала порванный кошель отца, с тринадцатю чешуйками. Сказала, что нашла у корчмы, хотя кушак отца Я заметил в углу. Кошель Я отдал матери, пусть трав купит сестричке. Себе оставил только три, город – он денег много хочет. Подарили мне много чего: пуговицу, хвост водяной крысы, сломанный деревянный нож, стекляшку и зубы хищников.

– Довольно.Опиши топор брата Сета хромого. Как помнишь? – строго спросил третий из Септориев. Лицо увидеть мне не удалось, так как брат церкви прятался в глубоком капюшоне. Но взгляд зелёных глаз прожигал меня из тьмы.

– Двусторонний топор, с меня ростом, одно лезвие длиннее, второе короче, ибольше на месяц схоже.

– Что ещё запомнил?

– Бронька жёлтая, как из колец, нашитых на рубашку. Топор в аккурат на спине ремнем связан. Потерянная рука дымится чёрным, но это, наверное, причудилось.

– Вот дела... Сядь на лавку, позже позовём,– скомандовал Господин со шрамом.

Совещались братья долго, Я же, болтая ногами с высокой скамьи, осматривал всё вокруг. Внезапно моё внимание привлекла картинка на стене. Там был большой дом, рядом контейнеры, связанные друг с другом, и три человека. Муж был с окладистой бородой с ладонь длиной, одетый в справный костюм чёрного цвета, как волчья ягода, его чета в нескромном платье, колени открыты, да и простоволосая. Наверное, блудница, подле них стоял пухлый ребёнок, непонятно – толи мужского пола, но если смотреть на стрижку и

отсутствие синяков, то можно и за девку принять.

На большом доме было начертано "Вокзал". Маменька говорила, что наши дома-контейнеры валялись на большой каменной насыпи, а из камней торчал настоящий металл, но я думал – это байки, как же металлу быть так близко к домам и поверхности, его же копают на болотах, где земля красная, затем лепят из глины длинную трубу и выбирают из шлака крицу. А тут, глядя на картинку, видишь, что металлические нитки прямо на земле лежат. Богато жили до Исхода. Вглядываясь в детали фотографии, Я заметил знак на контейнере, тот в точь, как на том, где Я жил. Не сдерживая более любопытство, Я протопал к стене с картинками. Знак был тот же, а вот циферки другие, надпись можно было прочесть, потому как она не стерлась и не облупилась. "Транссиб".

– Кто позволил тебе вставать?! – грозно окрикнул меня третий Септорий.

– Прошу прощения, господин. – Кланяюсь и, не смотря в глаза, спиной попятился к лавке.

– погоди, Вязь. Лаской нужно, больше пользы. Что ты там увидел, Босик? – мягко обратился ко мне Старший.

– На контейнере, в котором Я жил, были такие же надписи, как на картинке, подошёл прочесть буквицы, на нашем они затёрлись со временем, – потупив взор, ответил Я.

– И что там написано?

– Транссиб.

– Ах-ха-ха, ну вот и прояснилось, а ты – Урал-Урал. В Сибири мы, просто всю Землю как ткань скомкало, порвало и перемешало. Да и орбита съехала от ударов. Потому и по звездам не ориентируемся. Раньше нужно было думать, карты составлять звездного неба, сутки высчитывать по солнцу, пока все специалисты и учёные были живы, ладно, забудем... Обидно, что столько лет в этом зале по раскопкам рыщем, а буквы на вагонах только малец увидел.

– Не факт, вагоны и от Дальнего Востока до Москвы ходили, так что можем и поспорить.

*****

– Простите, что такое вагон? – поинтересовался малец.

– Многие знания, многие печали, сынок. Тебя определили в Северную Пустошь, будь готов, и давай-ка твой знак сменим на подобающий статусу.

Побледневшему Светочу такое распределение очень не понравилось. О Северной Пустоши ходили самые страшные слухи и рассказы. Оплата труда там высокая, как и смертность. Обычный человек, без дара, живёт не больше пяти лет, сильные люди с Талантом старше тридцати не встречаются. Либо заработав достаточно, перебираются на спокойные места, либо погибают в столкновениях в рейдах с людьми или порождениями. Да и нечисть по улицам шастает. Но кто он такой, чтобы спорить с Септой!

– Мирко, поди сюда.

Тотчас в зал, шаркая деревянными сандалиями, зашел горбун. Одет весьма прилично, шею тёрла большая цепь с огромной связкой ключей, одежду украшали разноцветные ленточки, пуговицы и перья. Дойдя до стола заседания, поклонился низко, смешно выставив руки, и стал терпеливо ждать указаний.

– Возьми Босика, это новый Светоч, введи его в курс наших дел и готовь для перевозки в Северную Пустошь. – приказал Старший Септорий.

Горбун бросил на меня быстрый и заинтересованный взгляд, поклонился и потянул меня

на выход. Спустил пару десятков шагов по улице, наш путь закончился крепкой калиткой. Пока провожатый искал нужный ключ, Я успел окинуть двор взглядом. Люди кучковались группами по назначению. Так или иначе все были похожи. Вон там, судя понашивкам, Стража – крепко сбитые парни, все широкоплечие и без видимых увечий или отметин. Дальше долговязые парни с длинными руками, это Волокуши, у них уже есть дефекты, все кривые и сутулые, как деревья у трясин. Назначение их службы мне непонятное, но судя по названию, они что-то таскают. Другие мне не известны или же про них в моём родном поселении не знали. Шикнув на меня, Мирко указал на открытую дверь. Зайдя во внутрь, Я обомлел: рядами стояли столы с наваленными на них вещами, у стены – корзины с обувью, да не самодельные поршни из травы и дощечек, а добротные кожаные, с голенищем и толстой подошвой.

Горбун толкнул меня в спину, указав кривым пальцем с синим ногтем на кучи.

– «Немой», – подумал Я и пошёл выбирать себе одежду.

Покопавшись в куче тряпья, выудил стеганную рубашку в клетку, крепкие штаны под стать, синего цвета с непонятной буквицей. Перед обувью крепко завис. Хотелось все и сразу. Вон те красные чоботы с завязками, как на платьях. Большие сапоги, как у воев. Но моего размера были только потешные дырявые чоботы и тряпочные обувки.

Мирко громко крикнул, потянул меня в сторону и быстро подобрал мне обувку из серой мягкой кожи. Затем выкинул отобранные мной вещи и на свой вкус начал собирать мне одежду. Отобрав три комплекта, потянул меня в дальний угол. Жестом заставил снять одежду и тыкнул пальцем на лохань с водой. Стесняясь своего тела, Я быстро юркнул в чистую, но холодную воду. Какое расточительство – моя семья такое количество могла три, а то и четыре седмицы пользоваться. Следом Горбун не успокоился, а взяв вонючий брусок, начал втирать его в меня. Вода сразу покрылась пузырями, как лужа при сильном дожде. В глазах защипало, как от костра. Следом на меня опрокинул ушат. Вскочив и прикрыв причинное место руками, Я, дрожа, наблюдал за мучителем. На сим он не остановился, а натерев бруском тряпку, принялся скоблить моё тело, не так больно, как от песка, но открытые раны и синяки тут же защипало. Ещё дважды он меня тёр и обливал водой. Затем кинул большую тряпку мне в лицо и удалился. Насухо вытираясь, Я спустился до ног. Тяжело вздохнув, взялся за вонючку и намылил тряпку. Отбив чёрные коросты, удивился своим розовым пяткам и выступившим синим венам на худых белых ногах. Как у сестры. Вытерев насухо свои пальцы и пятки, спрыгнул на пол. Тотчас прилетели короткие штаны. Но они же очень короткие и не прикрывают колени, как Я их одену? Но деваться некуда, не ходить же срамным. Только напялил одежду, мне передали вторые штаны, нормальной длины. Да что он от меня хочет-то? То одни даст, то другие. Может, увидел, что первые мне коротки или просто подшучивает? Стягивая с себя маленькие, получил по лбу... Глядя на мой непонятливый взгляд, горбун закатил глаза и стянул с себя ремень, указав пальцем, что вторые одеты под ними.

«Наверное, тут холодно ночью», – подумал Я. Следуя советам Мирко, Я полностью облачился. Какое же все удобное, мягкое и добротное. Эх, сейчас бы в поселение, вот бы ходил важно. Даже за пару чешуек можно было бы сдавать в наём одежду, на праздники там или на церковные службы. Пройдя к выходу, получил ещё один тумак. Резко обернулся, зыркнув зло на горбуна. Он, улыбаясь, протянул мне мою обувь. Стало так стыдно, что Я покраснел, низко поклонился благодетелю и, усевшись на стол, начал обуваться. Ещё и сапоги в пору, так не бывает или цена этому чуду будет неподъёмная. Со слезами на глазах вышел из помещения. Внезапно Я вспомнил о важном и, спохватившись, побежал к оставленным мною вещам. Там в пришитом маменькой кармане были мои ценности: три

чешуйки, пуговица и хвост водяной крысы, нож мне не разрешили взять родители. Вернувшись, увидел, как, скривившись, Мирко палкой закидывал в корзину мои вещи. Быстро обыскав карманы, Я собрал свои сокровища. Горбун, увидев, что Я забрал, громко рассмеялся, широко открыв свой кривой рот. Он же не немой, ужаснулся Я, у него нет языка, совсем нет. Покачав головой, палкой выбил хвост крысы и ловко закинул его с пола в корзину. На остальное махнул рукой, дескать, оставь себе. Присмотревшись повнимательнее, я увидел внутренним взором много красных пятен на теле уродца сквозь одежду. Обрубок языка светился красно-синим. Множество криво сросшихся рёбер, покалеченная левая рука, отсутствующая ступня в правом ботинке. Видно, моё изумление проявилось у меня на лице, так как Мирко смутился, потом зло посмотрел на меня и огрел палкой, но не сильно. Отец крепче колотил. Ойкнув, побежал прочь от горбуна. На улице уже всё кардинально переменялось. Двое в ладной броньке ровняли стадо в линию крепким словом и затрещинами. Один из будущих стражников разъярился и накинулся с кулаками на обидчика. Я и понять толком не успел, как так произошло, что рослый детина перелетел через худощавого ратника и с грохотом упал в дорожную пыль лицом. Резко вскочив и стерев кровь с разбитых губ, верзила кинулся во второй раз. Сдвоенный удар двумя руками выбили дух и всю прыть с нападавшего. Тот мешком осел под ноги и жадно пытался вдохнуть.

– Охолопись, Стража. Там, где Я спать ложусь, ты и пяти минут не проживёшь. Встать в строй, живо-живо! – проговорил вояка, потом пинками и затрещинами выровнял линию.

Волокуши не стали ждать побоев, а сами быстренько выстроились. Их примеру последовали остальные группы.

За моей спиной хмыкнул Мирко, указав на свободное место.

Встав в линию, старался больше никуда не смотреть, а пытался понять, что Я такое сейчас видел у горбуна. Свечение было, как при Таинстве, но тогда и с испугу могло привидеться. С языком понятно – он отрезан. А ребра и нога? Там цвета синего не было...

– А это что за фронт? – отвлек меня от размышлений ратник. – Штанцы под цвет сапожек. Курточка легенькая. Ты, наверное, врага будешь своей белой мордой пугать?

Вся шеренга грохнула от смеха.

– Никак нет, господин ратник, – не поднимая глаз произнёс Я.

– Почему не примкнул к своей группе? Или ты особенный?

– Из моей группы Я один, господин ратник, – так же покорно ответил.

– Мирко, что за овощ? Видно, что по твоему вкусу одет.

Горбун закатил глаза, потом глянул на вопрошающего, постучал по голове двумя пальцами и указал на знак, что одарили меня Септории.

– Да неужто, СВЕТОЧ!! – изумился ратник. – Что же, рад видеть тебя в нашем округе. Мирко, а куда его определили?

В ответ Мирко указал рукой себе на правый ботинок. Ратник поджал губы и, развернувшись ко мне, произнёс. – Жаль, нам бы ты очень пригодился. Что же, молокососы, завтра Вас ждёт маленькая прогулка, вёрст 10-15. А с тобой, СВЕТОЧ, Я прощаюсь. Даст небо и земля, свидимся. Береги себя.

Подойдя вплотную, шёпотом произнёс: – Никому не верь. Там все враги. А друзья, которых ты там найдёшь, враги дважды. Бывай...

Я остолбенел от таких слов – а как же братство, крепкое плечо собрата, щитом к щиту, спиной к спине? То, о чём нам вещали младшие братья в церквях? Эти слова мы повторяем в молитвах ежедневно и перед сном.

После построения, нас отвели на постой, где выдали тёплые шерстяные одеяла, жутко колючие, но чистые и без паразитов.

Далее толстый дядька занялся нашим размещением. Подходя к лавке, он указывал пальцем на новобранца, потом на картинку, намалеванную у изголовья: – Запомните, молокососы, свою картину, второй раз распределять не буду.

Мне досталась лавка по центру зала, с зайцегрызom. Смешно нарисованы длинные уши и острые зубы и очень похоже.

– Эй, франт, давай махнёмся местами, тебе водная крыса больше подойдёт, – через разбитый нос прогундосил забияка.

– Спасибо, мне здесь будет удобно, – спокойно ответил Я, раскладывая вещи на лавке.

– Да мне по колено, где тебе удобно. Собирай свои пожитки и освободи лавку, пока цел, – приняв угрожающую позу, произнёс дебошир.

Босик знал, что, если он сейчас уступит, будет только хуже. Побои и издевательства никуда не исчезнут, просто приобретут постоянный характер. Потому, насупив брови, поджал локти ближе к телу, выставив вперёд маленькие кулачки. Кривоносый повел плечами, разминая плечи и криво улыбаясь.

– Что ж, выскочка, сам напросился.

Боров попёр на меня, Я пятился назад, пока не упёрся спиной в спинку лавки. Народ разделился на два лагеря, первый подначивал будущего Стража, остальные не особо активно пытались предотвратить драку или, правильнее сказать, избиение. Поднырнув под неуклюжий, но мощный выпад рукой, Я оказался за спиной драчуна. Тот слишком быстро для своей массы развернулся и, широко раскинув руки, рванул на меня. От испуга Я закрыл глаза, сжавшись от неминуемой расправы за дерзость. Вдруг, прямо передо мной рухнул здоровяк, приложившись многострадальным носом об глиняный пол. От шума Я распахнул глаза. Вся голова здоровяка при взгляде с помощью Таланта покрылась красными всполохами с оттенками синего. Красные – это травма, синие, значит, чужая сила их повлékшая.

Позади стоял Горбун с неизменной палкой в руках. Вскочив на четвереньки, дебошир мотнул головой, раскидывая алые капли крови, глаза его налились дурным цветом, лицо побагровело от злости.

– Убью всех!! – взревел он и вскочил на ноги.

Меня за опасность он не считал, а нацелился на моего защитника. Первый мой испуг прошёл, потому Я, не считая себя коварным, пнул новеньким сапожком сзади под колено упорной ноги. Удар пришёлся в цель, и, запутавшись в ногах, драчун вновь рухнул. Наконец-то на шум прибежали ветераны. Ударив бедолагу ногой в живот, сбив тем самым ему дыхание, сноровисто связали ремнями руки.

– Моё имя Иван, я – ветеран Северной пустоши, и Я преподам вам всем первый урок. Стражи – сильные ребята, но сила без умения и хитрости – пустая трата энергии. Следующее, без разведки Следопытами вы не пройдёте и 15 вёрст по лесолесью. Без волокуш не сможете перебраться сквозь ручьи и речушки. А тот малец, Светоч, именно он, научившись у Старших братьев, сможет распознать отродье, найти его слабые стороны и уязвимые места. Такие, как Босик, помогают всему отряду вернуться живыми и целыми. Именно их пытаются выбить из строя первыми, а затем разбить строй и растерзать остальных. А теперь вопрос к тебе, Босик: после нападения на тебя, в случае похода с Тараном по заданию Храма, поможешь ли ты ему или захочешь отомстить, чтобы другим была наука?

Я нервно пожевал губы, положив руку на сердце, не испытывая к дебоширу злы или желания отыграться. Потому ответил честно:

– Отомстив Тарану, Я ослаблю отряд. Одна единица сможет помочь отбить нападение врага. И в моем поселении, несмотря на драки и оскорбления, в случае беды все встают, как один. Но позволить ему силой забрать моё место без борьбы Я не могу.

– Вот вам всем последний урок – цепь сильна настолько, насколько сильно её самое слабое звено. Мне жаль, что ты отправляешься в Северную пустошь, малец. Тут ты мог очень пригодиться, возможно, спасти пару десятков горячих голов от смерти. Таран приговаривается к трём ночам заточения в Яме, без еды. Остальным наказ: выяснять отношения только на учебном поле. Скоро вас позовут на обед. Босик, тебе ужин передадут с собой. Всем разойтись!

Схватив драчуна, ветераны силком утащили его из постоянного дома. Уже в ночь Я отправлюсь в свое первое большое путешествие. Храни меня забота Храма, будь светел мой путь.... Осталось ещё одно дело – поблагодарить Горбуна за помощь. Обед был простой, но сытный. Крупа неизвестного мне злака вперемешку с семечками подсолнечника, травяная лепешка и хорошее количество очищенной воды с овощным привкусом. Сразу после трапезы я помыл каменную тарелку и, спрятав лепешку под куртку, отправился на поиски Ямы и горбуна. Острог, где содержался Таран, представлял собой глубокий колодец, вырытый в земле и обложенный обожжённой глиной. Сверху крупной клеткой уложены длинные ветки хватай-дерева, после обработки от колючек и смоления под огнём оно становилось крепким, как камень, и часто использовалось для изготовления инструмента или оружия. Заглянув во внутрь, Я увидел пленника на лыках. Каких-либо удобств не заметил, короткие полаты с наброшенным дерном, где можно лежать или калачиком, или свесив ноги на землю. В углу – деревянное ведро с нечистотами. Да уж, за три дня заключения можно двинуться рассудком от вони. Коротко свистнул, пытаясь привлечь внимание узника. Таран забылся тяжёлым сном, подложив руку под голову. Подобрал маленький камушек, тихонько подкинул его, целясь в корпус. Промых. Лишь третьим снарядом поразил цель, попав забияке по голове. Тот, громко хрюкнув, перестал храпеть и повёл сонными глазами в поисках врага. Увидев меня, скривил рот и произнёс:

– Что? Пришёл потешиться? Зная, что завтра уезжаешь и не получишь сдачи?

– Извини, Таран, не умею точно камни кидать. Я тебе лепешку принёс. Только кидаю плохо, так что лови сам, – извиняющим тоном ответил узнику.

– Не брешешь? Не-е-е-ет... Да ты и прям святой. Только тихо, а то сам влетишь на наказание.

Поймав лепешку, пленник, стал рвать её руками и запихивать в рот. Прожевав и громко икнув, снова посмотрел вверх.

– Ты, это, не держи обиды на меня. В моих краях только силу уважают, и по привычке Я искал возможность всем показать, что не слаб. Эту лепешку никогда не забуду. Бывай и не сгинь на Севере, говорят, там крайне опасно.

Попрощавшись с Тараном, Я пошёл на поиски горбуна, не хотел уходить из лагеря, не раздав долги. Спустя сотню шагов, чуть не наступил на ветерана, что сидел на земле, прижавшись спиной к дереву. Тот, держа маленькую БУТЫЛОЧКУ В РУКАХ, пускал слюну и смотрел в точку потухшим взглядом. Неприятная встреча, нужно уходить, пока не заметили. Сделав два шага назад и резко развернувшись, упёрся носом во второго ратника.

– Что ты тут шарисься? – спросил меня он.

– Извините меня, ветеран Пустоши Иван. Я ищу Мирко, – скромно опустив глаза, произнёс Я.

– Ну и на кой ляд тебе сдался этот уродец?

– Хочу поблагодарить за помощь с Тараном и попрощаться. И Вам низкий поклон за то, что успели вовремя.

– Хех, это Таран должен благодарить, мы его спасли от Мирко, а не наоборот. Если бы не увечье, сильнее его нет никого в нашем округе. Да и сейчас я бы против него не вышел. А насчет благодарности. Лучше обещай мне всегда думать сердцем, а не головой. Мирко продали для того, чтобы отряд выжил. Так сказать, разменяли, а он не помер. Поломанный, с оторванной ногой, но выжил. А когда пришёл в поселение, собрал все долги с того отряда. Шестнадцать человек остались в пустоши. Осталось трое: Мирко, Светоч Мазур и Старший септорий отдела Дознания Олег. Тайну отряда Ночных куниц Мирко отдал вместе с языком. Мазур потерялся после того случая... Заболтался я, как бы языка не лишиться. Ищи горбуна на складах.

Вот так история, отчего же такой человек вступился за меня? Может, Я ему напомнил какой-то случай из прошлого? Жаль не расспросить.

Мирко Я нашёл у вещевого амбара. Сидя на завалинке, он смолил длинную трубку с приятным древесным ароматом. Меня он услышал давно, но не подавал виду, а мне было понятно оттого, что переложил палку под правую руку, не меняя позы. Подойдя ближе, Я поклонился и произнёс слова благодарности. На что горбун просто кивнул головой.

Наверное, стоило бы уйти, получив ответ, но мне хотелось отблагодарить чем-то большим, чем расхожимисловами. Из добра у меня были три чешуйки, цветная пуговица и стекляшка зелёного цвета. Выбрав из наличия старую серо-бежевую костяную пуговицу, сблизился с Мирко. Вытянув вперёд руку, поклонился.

В ответ получил палкой по макушке. Сквозь слезы смог разглядеть жест горбуна. Указав двумя пальцами себе на глаза, повёл их в сторону и уткнул в мои. Следи по сторонам, понял Я. Вечная присказка моего отца. Пуговица с руки исчезла в момент удара. Что ж, дар принят, можно уходить, но меня тянул этот страшный уродливый человек своей тайной и внутренней силой. Потому не придумал ничего лучшего, как присесть рядом.

Мирко взял палку и написал буквицу Я, затем вопросительно посмотрел на меня.

– Я, – прочитал написанное вслух.

Горбун улыбнулся, откинул полы куртки и достал глиняную дощечку. Смочив тряпку из бочки с зелёной водой, подготовил Клину начертанию.

"У тебя вопросы – спрашивай".

– Уважаемый ветеран Мирко, почему Вы вступились за меня?

Затянулась пауза, затем мокрой тряпкой затерлась предыдущая запись. Клину выводил красивые буквицы.

"Долг", – Немного подумав, добавил, – "Долг перед Светочем".

– Вы про Мазура? – спросил Я, в тот же миг, как слова слетели с губ, на моей шее сомкнулась железная длань. Внимательно оглядев меня, горбун убрал руку и утвердительно кивнул головой.

– Простите, Я не хотел ворошить прошлое.

"Иван рассказал".

– Да. Но он очень беспокоится о сказанном. Вашу тайну никто не знает. Только то, что люди помнят. Но это больше похоже на легенды. А какой у Вас Талант?

"Убийца", – убедившись, что Я прочёл, Мирко быстро стёр надпись и добавил новую.

"Ложись спать. Отъезд задержится на седмицу".

– Спасибо Вам ещё раз, ветеран Мирко. Скажите, а Я могу помочь с ранами?

Горбун горько улыбнулся и махнул в сторону Постоялого Дома.

Я поклонился, не спуская глаз с поломанного человека. Необходимо запоминать уроки.

Возле моей лавки собрались Стражи нового призыва, толпа была хмурой и серьёзно настроена, местами проскакивали искорки, это Я, неожиданно для себя, переключился на Талант.

Вперёд вышел один из Стражей.

– Нашего брата держат в Яме из-за тебя. Ты должен за это ответить. Мы всегда держимся вместе и друг за друга горой.

– Отчего же из-за меня? Я не пытался занять чужое место и на драку подбил отнюдь, не Я, – оправдывался, хотя не должен никому из них.

– Ты в ночь уходишь со Старшими, мог бы согласиться. А теперь он три дня без еды, может и захворать. Чо мы с тобой сусолим, ату его, братцы! – подначивал толпу заводила.

– Я отнёс Тарану свою травяную лепешку. Он не держит на меня зла, а кто из вас поделился с братом.

– Не брешешь? – усомнился бугай.

Я лениво отмахнулся: – Сам спроси, где Таран, ты знаешь. И изменились планы, Я седмицу с вами побуду.

Стражи переглянулись, но прежней злобы в глазах не было.

– Смотри, если солгал, до ночёвки ещё время есть.

– Он не лжет, с Севера идёт стая. Следопыт донёс весть, я сам после обеда слыхивал. Говорит, бежал всю ночь, чтобы весть донести, так что или тут примем бой, или стороной отродья уйдут. Хотя для гона рано больно. Скорей, что-то их согнало. Может, пожар, али потрава новая, – заступился неожиданно для всех невысокий крепкий паренёк с цепким взглядом.

Стражи посопели, погудели немного, да разошлись по своим местам.

– Я – Босик, – протянув руку, представился.

– Куница, – ответил мне паренёк. – Будешь смеяться над именем или расспрашивать про него, поколочу.

– Ты из фермерских, что на излучине живут. Я поговору узнал, а у ваших имя в тайне держат, а представляются или прозвищем, или тотемом поселения. – Вспомнил Я приезд с отцом на торг и рассказы о племенах и нравах наших соседей.

– Хоть один разумный в этом сброде. Бывай, Босик. Да наступит для тебя новый день.

– Лёгкой ночи, Куница.

Глава 2. Посвящение

Утро не задалось, в поселении мы встаём рано, дабы согнать росу на полу дома, да счистить плесень. Как завещали нам родичи, бей плесень каждый день, или она залезет тебе в дыхало, и ты не сможешь дышать. Может, врут, но Петро, из ожогиных[2], тех, что не боятся от костра потравиться и каждый день жгут под камнем поселения, дабы люд мог согреться, говорят, от плесени ушёл за Грань. Раньше, говорят, жгли прямо в контейнерах, но деревья сильно потравило, и теперь найти дерево без яда – сравни с чудом. Одни при горении шипят сильно, и всех, кто рядом, душит кашель, что с кровью отходит. Другие на иглах своих капельки выдают, зацепишь такую рукой – кожа лоскутами отходит, а если сильно поранишься, то и до кости пожрёт. Как плесень и воду отогнали с полов и стен, встают на камень. Потом старшие, как мой дед Тит, выходят и смотрят на болота долго, что-то нюхают, шепчут. Морщась, как от боли, выдают, можно ли идти на охоту или сбор кореньев. Они не ошибаются, те, кто не послушал советов старейшин, сгинули. Богард часто ворчит, но сам трусит ходить в лесолесье без разрешения.

Отвлёкся Я. Утро началось с крика Ивана, что пинками и палкой будил новобранцев. Стражи вскакивали с кулаками, но, памятуя о Таране, понуро шли на построение. Остальные были более покладисты и быстрым шагом покинули зал. На мне Иван остановился, быстро огляделся, и сказал:

– То, что ты видел вчера с ветераном Стивом, молчи. Он недавно с Пустошей пришёл, ещё не привык к спокойной жизни и заснуть может, только приняв гушку[3]. А так, Я ему спину и жизнь доверяю каждый день, а он мне. Днём, после обедни будем тебя немного разгонять. Не дело с зародышем Таланта в Пустошь ехать. За седмицу кой-чего успеем. И не болтай лишнего. То, что ты вчера обедом поделился, это правильно. По-людски.

Глядя на мои широко раскрытые глаза, ветеран улыбнулся.

– Это мой лагерь, Я тут всё вижу и слышу. И про вчерашнюю беседу со Стражами в курсе, так что не удивляйся. Следопыт дальше побег, остальные лагеря предупредить об орде, если на нас сунутся, увидишь, как Септы отродье рвут, да и мы втроём много чего стоим. В случае чего, держись за мной или Септорием Олегом – у него на тебя есть виды. Мирко одиночка, ты его только обременишь. Всё, заболтался Я, бегом на построение!

Придав ускорение обидным пинком под зад, Иван громко засмеялся.

Выскочив, как ужаленный лесными пчелами, встал в строй с покрасневшимся от обиды лицом.

За мной вальяжно шествовал Иван.

– Бойцы, будущие братья церкви. Сегодня перед лицом Септы вы дадите вечный обет послушания перед церковью нашей, да хранит её Свет нас всех. Также вы получите звание Младший брат. Трудитесь на благо храма, и вас заметят. Отдайтесь целиком великой цели служения люду, и вам воздастся. Те, кого вы оберегаете от орды, выроdkов и отродья, делятся своей пищей, водой и кровом. Брат церкви всегда найдёт себе крышу над головой и полный стол, а зачатъ от Нашего Брата есть мечта и лучшая доля любой девушки в нашем крае. Вы – их щит и опора в этом мире, на вас лежит ответственность за их жизни и за порядком в целом. Отныне вы освобождаетесь от всех податей, кроме храмового сбора. Первая тренировка после посвящения.

Пока Иван, проходя сквозь строй, вводил нас в курс дела, на площадь вышли три черные

тени Септов. Первым шел Олег, Старший Септорий, за ним с изуродованным лицом Вязь. Третьим – Старший брат с неизменно накиннутым на голову капюшоном.

– Спасибо, ветеран Иван. Дальше мы сами. Ещё вчера вы в своих поселениях выполняли привычную и честную работу. Промышляли охотой, собирательством, рыбной ловлей или мастерили инструменты, помогая отцам и матерям, но при обряде, что проводят младшие братья, у вас был выявлен Талант. И он очень нужен простому люду, миру, порядку и, главное, Храму. У каждого из вас есть свое предназначение. Стражи, неизменно крепкие ребята, есть наши руки и торс. Именно они стоят живым заслоном от мерзости и нечисти, откидывая тварей обратно в лесолесье. Следопыты – наши глаза и уши. От них не спрятаться изменённым. Найдут по следам, по запаху, сломанным веткам и примятой траве. Самые первые из нас, кто встречает врага, а умение скрываться позволяет им выжить и предупредить лагерь об опасности. Волокуши – наши ноги. Требуется перейти реку или отравленное озерцо, али закрепить на топях и сделать дорогу? Они смогут. Следующие братья получают белую нашивку, так как их предназначение ещё не определено. Септа и Старшие Братья есть разум, что управляет всем телом. Храм – наше сердце и душа, без него и разум и все органы мертвы. – Олег окинул строй ласковым взглядом.

– А Светоч тогда кто? – Высказался недоуменно один из Волокуш.

– Рот закрыл, когда Старшие глаголят! – рявкнул на него Вязь.

– Я отвечу, но впредь подними руку, вопрошая, если кто-то из нас готов ответить, тебе дадут свое позволение. Светоч – это как интуиция, чуйка, через него Наш Храм, отец Небо и Мать земля дают наитие, как поступить, чего ждать. Каков враг и как его заборонить, – мягко ответил Старший Септорий.

Я, слушая септов и ветерана, пытался войти в состояние Таланта, как говорил Иван, зародыш нужно развивать. Потому и братьев отец нещадно гонял неделями, так как, спустя пару лет без развития, останется от Таланта одна пыль и тень. Неожиданно легко провалился в нужное состояние, когда краски мира блекнут, а им на смену приходят пятна. От Олега волнами шла жёлтая энергия, что не огибала людей, а их укутывала. От Вязя веяло смертью, видел только холодную, ледяную гору, перечерченную на лице синей дымкой. А третий и вовсе был для меня одним большим чёрным пятном. Перевёл взгляд на строй, практически все покрыты жёлтой паутиной, а многие светились пятнами травм и увечий. На мне же жёлтые нити плавилась и падали хлопьями, как первый снег. На земле и вовсе исчезали. Неожиданно для меня моё внимание приковала чёрная туча за спинами новобранцев, так как люди своими расцветками и пятнами мешали обзору. Я вышел из строя и уперся взглядом в клубящуюся тьму. Вдруг свет вокруг потух, и моё сознание улетело за многие версты от этого места. Святой храм, спаси меня! Свет, картинки, что Я увидел, пугали до дрожи в коленках, сотни тварей невиданных, разной формы и размеров пробивались через лес, ломая и круша. За ними по проделанной дороге чинно шли человекоподобные создания, горбатые, с круглыми животами и кривыми руками.

Сквозь дымку и туман пробивались окрики Ивана и Олега.

– Встать в строй!

– Не смотри туда, Босик, слушай меня. Очнись... Вырубай его...

Затем удар по голове, яркая вспышка, и моё сознание погасло.

Очнулся уже на лавке, весь мокрый и в сильном жару. Подле меня сидел Мирко и тряпицей, смоченной в кислой воде, протирает мне лоб, подмышки и впалую грудь. От него веяло тихой грустью и заботой, как от Маменьки, когда она занималась сестричкой.

– Пить... – хрипло произнёс Я, с трудом ворочая языком.

Горбун внимательно посмотрел в мои глаза, затем опустил руку под лавку, доставая маленькую глиняную бутылочку. Зубами оторвав пробку, медленно приложил к моим губам, придерживая второй рукой мою безвольную голову. Маленькими дозами подавал воду с сильным привкусом трав. Влив примерно половину, нежно уложил мокрую голову на свернутые тряпки. Быстро встав, Мирко удалился. Спустя пару мгновений, что Я провалился в тревожный сон, меня растолкали. Увидев троицу Септов и Мирко, Я попытался подняться на локтях.

– Тихо-тихо, малец. Лежи, потом свое уважение выкажешь. Как ты нас напугал. Скажи, что ты увидел?

– Стая у реки. Очень много... – речь с трудом мне давалась. Быстро подскочил Мирко и влил в меня остатки из бутылки. Горло перестало першить.

– Я не ослышался? Он сказал – стая? – спросили горящие глаза из капюшона.

– Малец перегрелся, вчерашний гонец всех их тут напугал, вот и привиделось. – прокаркалсо шрамом.

– Вязь, заткнись, тут на лицо истощение, причем сильное. Если бы ты был не настолько глухим и слепым, заметил бы, как он мне сопротивлялся. А его взгляд до обморока направлен в том же направлении, что и указал Следопыт, – раздраженно ответил Олег. – Сможешь описать?

– Разные очень, десяток из них были схожи меж собой.

– Мирко, тащи бестиарий и захвати слезы. Нам сейчас очень нужна информация.

Горбун пожевал губу, кивнул головой и ушёл, звеня цепью и ключами.

– Десяток был особенный, ты сказал?

– Да, господин.

– Называй меня Марук. Марук Тёмный. Опиши их, – прозвучало из-под капюшона.

– Роста не скажу какого, похожи на Волокуш. Длинные руки, круглый живот, как будто горшок проглотили, в руках палка или посох, так не скажешь.

– Цвета какого, заметил? Приметы? Точное количество, и как долго ты на них смотрел? – жадно спросил меня Вязь.

– В том зрении, ну не моем, в Таланте, они были бурые, одежды не было, какая-то кора еле прикрывала срам. На лысой голове – палки или рога, не рассмотрел. Я пока сквозь стаю летел, много успел рассмотреть, а их уже перед самым концом увидел, может, два-три удара сердца, – разговорился Я, внезапно почувствовал слабость и стал заваливаться на лавку.

Мирко вновь поднял мою голову и стал вливать в меня густую жидкость из маленькой бутылочки.

Внезапно меня, как будто обожгло изнутри, в животе заклокотал огонь, и Я очнулся уже полный сил.

– Так, слушай меня внимательно, не говори. Сейчас мы тебе покажем картинки, ты внимательно на них смотри, если увидишь тех, из стаи, сожми мне палец, – сказал мне Марук и взял меня за руку.

В толстой книжке были нарисованные картинки и под ними текст. Святая Церковь, каких только тварей мне не показывали. Время от времени, Я зажимал палец, указывая, что видел эту нечисть. После картинки уродов с животами сознание окончательно меня покинуло, но сквозь марево небытия Я слышал разговор, но осмыслить его уже не мог, как и понять – кто именно говорит.

– Что думаете, Старшие?

– Давай мальчишку сольем, не факт, что отобьёмся. А тут обмен хороший может случиться.

– Мирко тогда тоже нужно будет, он второй раз предательство своих не простит. Прошлый раз по грани прошлись.

– Слушайте, так может, это не гон и не охота, это миграция. Пройдут мимо, или Малец нас засветил?

– Подсветка короткая, от моей речи до удара по голове секунд 15 прошло. Только если направление есть, но за Светоча они всё здесь перевернут. Нюхачи с ними, как и погонщики за день-два нас найдут.

– Иван, готовься к осаде, под землю нам уйти не дадут. Волокушами стену ставьте возле детинца, запасы туда же. Готовь синий огонь, пустим навстречу вал, если подойдут.

– Вязь, ставь сигналки не только с направления, а и по кругу, там особи поумнее упырей.

– Что думаешь? Управимся?

– Полог на пацана, и пусть с Мирко идут до городища в обход. Обойдется. Если что, откупимся, отправим им в след.

– Пацан-то хорош, без учёбы на двести вёрст глянул. Как Мазур в былые времена.

– Не поминай его больше. Нет его.

– Разомнёмся немного, потом свалим. Но мне кажется – они за бабой пошли. Может, мор какой был, короли без свиты не гуляют, а срамных лиходеек малец бы увидел. В любом случае мы выйдем, лагерь только жалко, да и ветераны хороши.

– Он точно спит?

– После слез-то? Ещё часов 5 проваляется, потом покормим, и пусть топают в обход.

Снаряжали нас недолго: припасы, вода, в зубы ткнули корень бодрости. Дальше объясняли Мирко обходной путь. Сам Горбун переоделся в броньку, где нашитые на кожаную куртку кольца смазаны тёмным жиром, чтобы не блестели на солнце. Мне наказали не пользоваться даром и слушаться Мирко. Главная цель – добраться до городища. Ноги мне до промежности обмотали кожаными ремнями от укусов змей и мелкой живности, хлопнули по плечу, вместо долгих прощаний. Оглядевшись, поймал глазами Куницу, кивнул головой и пошёл вслед за горбуном.

Лесолесье названо так не спроста. Когда деревья все одной высоты и схожи меж собой – это просто лес, в него ходят на охоту, собирать грибы, корень, ягоду и хворост. Он относительно безопасен. Но иногда, страшная и непонятная сила корёжит деревья, жмёт их в землю или крутит в стороны, тогда это мёртвый лес в лесу. Вот там держи ухо остро, потому как каждый раз такое место преподносит неприятные сюрпризы. То земля провалится под ногами, то кривые ветки вдруг начнут обхватывать тебя в попытках разорвать на части или утянуть под землю, или тварь какая прячется в корнях. Потому такие места и прозвали Лесолесье (Лес в Лесу).

Время от времени мёртвый лес разрастается, и тогда, соседствующие с ним люди начинают его выжигать, вырубать шаг за шагом, дерево за деревом, пока не откинут границу на десятки метров, оставляя мёртвую землю, засыпанную пеплом и трупами нечисти, что высыпает при приближении человека. Мы уже давно топаем по лесу, заворачивая за тусклым солнцем. Походка Мирко изменилась, теперь это не прыжки при ходьбе, а движение хищника в своих угодьях. Порой может застыть на десяток ударов сердца или резко сменить

направление. Справа, время от времени, Я вижу большое чёрное пятно, но памятуя о наказе, не присматриваюсь к нему.

Вскоре совсем стемнело, и Я ума не приложу, как ориентировался в лесу охотник или следопыт. Моей задачей было не потерять из виду провожатого, не наступить на змею. И не разбить лоб об тяжёлые ветви деревьев, с последним пока плохо получалось. К темноте и выступающим из земли корням добавился гнус. В родном поселении мы закрывали скрипучие двери или жгли аполынь – траву, вонючую до жути, хотя отлично она справлялась с паразитами и комарами. Сейчас же нельзя было открыть рот, чтобы в него не залетел с десяток мошек, что неприятно хрустели на зубах, если их раздавить, приходилось часто сплевывать. В какой-то момент Мирко сжалился и намазал мне лицо соком сорванного по дороге растения. Покусанную рожу сразу защипало, но гнус больше не беспокоил – и то хлеб.

Горбун в очередной раз остановился, поднял руку, но на сей раз задержался надолго. Затем жестом приказал присесть и ждать меня. Что же, прятаться Я люблю и умею, в попытках избежать побоев от старших братьев приходилось часто скрываться, главное, очень сильно захотеть, чтобы тебя не нашли. Порой моё желание было настолько велико, что братья проходили в считанных шагах от меня, отчаянно ругаясь и дразня. Папенька, когда находил и хватал за ухо, называл, ах ты, морок окаянный. Присев на колени, сомкнул руки на посохе. Сам же горбун вытащил нож и юркнул в кусты. Время тянулось, как мед из улья лесных пчёл, да и ночной лес пугал своими шорохами и звуками. Вот непонятно, кто там шелестит листвой, безобидный иглобрюх или коварный зайцегрыз. Реальность оказалась намного хуже, между деревьев показалась голова выродка. Худое тело с выступающими рёбрами, волколачья пасть и близко посаженные 6 пар бусинок-глаз. Покрытая редкой шерстью голова, остальное тело голое и блестящее, как чешуя у рыбы. Вместо ушей и носа провалы. Как Я помнил по картинкам из бестиария, погонщик. Эта тварь, как и нюхач – передовой отряд стаи. Основная задача – разведка, а если удаётся ему зайти со спины, то пугает жертву и гонит её на стаю. Оттого и такое прозвище. Жаль, почитать про её слабые места не успел, знал бы, чего ожидать. Перехватил походный посох, как копье, выставив его в сторону выродка, принялся ждать, проговаривая шепотом-заклинание: "Меня тут нет". Погонщик низко опустил голову, вглядываясь в следы, заметив что-то, утробно заурчал. Двинулся по следу вперёд, в аккурат на меня, и снова вперил бусинки в землю. Ещё с пять шагов – и он меня узрит. Но в тот же самый момент, как тварь задрала голову, из куста мелькнула молнией тень руки с зажатым ножом. Сталь пробила шейный позвонок, моментально погасив жизнь в этом страшном теле. Горбун вышел из засады, с натугой выдрал нож из погонщика и вытер об шерсть. Поднявшись, посмотрел на меня. Я всё также стоял в позе принимающего копейщика, на одном колени, уперев древко в землю, с перекошенным от страха лицом. Улыбнувшись мне, Мирко отрубил длинный коготь с задней лапы отродья и кинул под ноги. Опустившись на колени и не сводя глаз с Горбуна, Я принял свой первый трофей. Пили и принимали скромную трапезу мы на ходу, следя за тем, чтобы не просыпать ни крошки, ни кусочка. Незачем давать преследователям такие следы и явные приметы.

Махнув рукой, мой защитник пошёл дальше в лес, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Коготь я взял обратным хватом, на манер кинжала. Сразу почувствовал себя увереннее.

Сапожки сбивали выступившую на редкой траве росу, значит, скоро рассвет. Спасибо Кунице за пожелание встретить новый день. Спасибо Храму, что спас мою никчемную

жизнь. Спасибо Отцу-Небу и Матери-Земле, что уберегли. Спасибо и тебе, убийца Мирко.

Не знаю, сколько мы прошли, но мои ноги стали заплетаться, и Я стал часто ловить ветки лицом, не успевая выставить посох или руку. В добавок проснулись гады. Вылезли из ям и нор змеи, полозы, многоручки, стремясь успеть поймать добычу и вкусить немного тепла от вечно закрытого тучами Солнца.

Мирко остановился, дождался меня и покривился. Видно, весь мой вид указывал на разбитость и смертельную усталость. Корень бодрости Я выронил ещё при встрече с погонщиком. Указав в сторону жёлтого пятна, где поднималась светило, раздал ладонь, показав 5 пальцев. Я кивнул головой, осталось пять вёрст, нужно крепиться.

– Мирко, у Вас нет корня бодрости? Я свой утерять. Прошу прощения, – жалостливо попросил своего защитника.

Откинув куртку, горбун потянулся к кушаку, пощурив пальцами, вытащил сложенный конвертом сухой лист, протянул его мне. Пальцем указав, что его необходимо положить под язык.

Через короткое время горечь от снадобья переросла в бушующий океан энергии, и Я прибавил шаг. Солнце поднялось высоко, и пару раз пробивались мягкие лучи, согревая озябшее тело. Вот и первое поселение, судя по постройкам и запаху – кожевники. На рамках растянута шкура, бабы и дети скоблили их каменными скребками и гребнями. На нас опасно покосились, но завидев знаки Храма, радостно улыбались и кланялись. Я было потянулся к кострищу, как Мирко схватил меня за руку и потянул прочь. Нужно в городище, блин...

Стены из камня и частокол Я заметил издали, но действие листа закончилось, и Моё тело меня подвело. Завалившись набок, больно ударился головой, и свет опять потух.

Очнулся Я от громких голосов: незнакомые люди громко спорили и порой переходили на крик.

– Ты совсем рехнулся? Его притащили на плече без сил, доставили по приказу Старшего Септория отдела Дознания Олега, и грамота была. Ты моей гибели хочешь? Я не позволю его пользоваться, как манок.

– Там лагерья все под ордой лягут, если мы их не развернем, а Олега первого осадили. Синий огонь пока их сдерживает. Накачивай его, потом отпоим и откормим. Пусть засветится тут, просто вспыхнет. А здесь мы их примем, и королей, и прибуд ихних.

– Я согласен, – тихим голосом проговорил Я, разрешив спор.

– С посвящением тебя, Брат Храма Босик! Да содрогнутся вороги Святой Церкви и Люда человеческого!!

Глава 3. Приманка и церемония жертвоприношения

На помост вышел Старший Храмовник в белой рясе, украшенной кисточками и вышивкой. В руках у него богатый посох с кривой завитушкой вместо навершия. Громким поставленным голосом он начал созывать горожан к молитве. Вои и стража, преклонив колени и оголив оружие, тихо шептали заговоры и тексты святых писаний. Горожане собрались очень быстро, люд из соседних поселений всё прибывал под защиту городских стен. Дозорные на стене поднимали воротом большой перекидной мост, оставив маленький пешеходный, по лестницам сновали Младшие братья и послушники, таская камни, стрелы и дротики. Городище готовились к осаде.

– Слушай, люд, и не говори, что не слышал. Орда пошла на юг, пожирая людей и круша всё на своём пути. Наши братья в осаде, знаменитые Септы Олег, Марук и Вязь. Те, кто сделал многое для нашего процветания и нанёс несчётно урона врагу. В этот момент они нуждаются в нашей помощи, и Я спрашиваю: отвернёмся ли мы?

Толпа скандировала: – НЕТ, НЕТ!!

– Заплатим ли вероломством за долгие годы службы на благо Люда?

– НЕТ!!!

– Примем бой под защитой стен?

– Да!!!

– Побьём супостата, откинем его в болота и топи?

– Да!!! Да!!! Да!!!

– Сегодня к нам пришёл новый Светоч Светоносный, первый за долгие годы. Измученный тяжёлой дорогой и битвами с погонщиками и нюхачами, дошёл к воротам и рухнул, как подкошенный, все вы видели горбуна, что занёс его на плече. И он готов пожертвовать собой на благо мира, жизни и Во имя Святой Церкви. Приветствуем Героя!! Только сегодня он получил Послушание, но не встретил поздравлений от братьев и положенного праздника жизни. И вот он...

Стоя за ширмой и слушая Пастора, Я дрожал от волнения. Меня переодели в белую, грубую рясу, подпоясали широким красным кушаком. В руку вложили мой трофей – Нож из когтя Погонщика. В нём просверлили отверстие и прудели красный шнур. Волосы подобрали тесёмкой со святым орнаментом.

После речи проповедника меня толкнули на помост, сделав два шага, два быстрых шага босыми ногами, Я огляделся и оторопел. Глаза и руки сотен людей тянулись ко мне, Стражники лениво затягивали людей в обратную сторону. Проходя мимо воев, Я посмотрел на них, в ответ они вставали с колена и поднимали вверх оголенное оружие. Дойдя до Пастора, я преклонил колени. Все громко захлопали и закричали, подбадривая меня. Старший поднял за плечи и, откинув приличия, крепко обнял меня. Находясь близко, Я чувствовал аромат неизвестных мне цветков и видел натертое мелом рыхлое лицо.

– Давай сынок, не подведи, – сказал Храмовник и оставил меня одного, сделав шаги назад, за мою спину.

Тут же подбежали служки и, преклонив колени, протянули мне два глиняных бутылка.

Срезав сургуч когтем, по очереди выпил их.

Пастор крикнул из-за спины: – Слезы Матери!!

Народ на площади хором ахнул, кое-кто даже не сдержал слезы. Даже Вои и Стража

потемнели лицом.

Почувствовав прилив сил, Я начал видеть пятна, легко провалившись в свое особое состояние.

Толпа горела золотом, стражи полыхали рыжим. За городской стеной стояла большая чёрная туча.

С криком, – Сделаем это вместе! – Я полетел над полями и лесолесьем, стремясь своим сознанием к лагерю, где мои Младшие братья бились с ордой. Вокруг горели деревья, дымились постройки, на стене у детинца резвились ветераны и септории. Таран со своими держали щиты, Волокуши швыряли камни и дротики. Поле перед стеной было усыпано трупами, но основная часть врага ещё не вышла на лагерь. Олег что-то почувствовал, развернулся и широко улыбнулся, махнув рукой. Вдруг Я почувствовал страшное возмущение, это завывали короли. Не сдерживая свой порыв, я подлетел к ближайшему из них и махнул рукой с зажатым в ней ножом, целясь в глаза. Черепушка лопнула, как пустой глиняный кувшин. Повернувшись ко второму, Я увидел в его глазах страх. В следующем миг моя голова со стуком упала на помост...

Сознание возвращалось толчками, сначала шумы и страшный скрежет начали формироваться в узнаваемые модуляции, звуки – складываться в слова, слова приобрели интонации, узнавание голосачеловечьего.

– Голова, начисто снесл... Рубили их рубили... Дальше помчались прям на городище... Много полег... Все в огне, смрад, трупы... А... Крови много, всё залито... Следом сами пошли, после обедни, толстого того, что койки нам определял, помнишь? Обосрался, прям как был... А Олег кричит, – «Смотри, Светоч летит!», и у этого пузана бошка хлоп... И за лепешку спасибо, всю жизнь буду помнить... Куница, друг твой, не трус, Я в яме, значица, с нюхачом бьюсь, морду ему ломаю. Только он это, того... А тут следом погонщик, тварь худая, но шустрая, как ты прям... И на меня завалилась, лапами живот дерёт, всё прикусить пытается. Тут Куница сверху её и пригвоздил жердиной, потом лесенку кинул, и мы вдвоём, прям как в молитве, плечом к плечу, спиной к спине. Побратим он мне теперича. Кровь смешали на одном ноже, у ихних фермерских так повелось, говорит, старый обычай. Из наших треть ушла за Грань, но милостью Храма родным и близким послабления будут, да помощь инструментом или одежей. Ветерана Смита жалко, посекли его крепко, не вытянет. Ты это, давай штолива, просыпайся, тебя ждут, как героя. Мирко вот спать ушёл, три дня безрозда сидел, а Я сижу, тебе всякое болтаю, Я за месяц столько не говорил вообще, сколько за сегодня, ага. Так, пять капель из синего или красного бутылка? Тьфу ты, иглобрюх тебя побери, забыл. Куница, проснись, браток, ты не помнишь: пять капель... Ага, из синего, спи-спи, Я посижу ещё. Теперича во фляжку с водой, давай, Светоч, глоточек... Пей, родненький, пей...

Следом пришёл свет, клубились пятна, разваливаясь на цветной песок и разлетаясь в стороны, формируя новые фигуры и очертания, затем, снова рассыпавшись мухами красного цвета, собираясь в новом месте. По стене от окна ползли ломанные линии, рисуя комнату и разбивая её мебелью, прикроватной тумбой, двумя бутылками на ней и широкой чашей. В бутылках кипела жидкость, пенясь и бурля. Красное пятно справа постоянно перемещалось, второе поодаль лежало без движения. Куница и Таран. Зрение восстановилось, но теперь Я плохо разбирался, где заканчивается моё и начинается от дара. На теле Куницы видны тонкие синие и чёрные линии, руки Тарана сплошь ими покрыты, как паутиной. Поверх этих ран натянута чистая, хоть и грубая повязка.

Слух и Зрение. Беда пришла, когда Я начал чувствовать пальцы ног. Маменька родная, как же больно, пальцы корёжило, резало и выкручивало. Непроизвольно из глаз потекли слезы.

– Куница, очнись. Слезы потекли... Давай быстрее, волколачья отрыжка... Собирай костью... Да не могу я, руки от щита отсохли. Всё-всё собирай.

Боль от пяток пробила колени, взорвав их тьмой тьмушей игл. Самые крупные из них, поползли вверх по телу, калеча и пытая меня. Мамочка, бо-ооо-ольно. Пожалуйста, прекратите.

– Попёрло, попёрло. Мать честная, как будто сукровица, а не слезы. Вся в жилках. Давай я ноги прижму, брыкаться начал. Все капли собирай, иначе не поймём, всё ли вышло из него. Потерпи, браток, скоро всё кончится. Я тебе дам травку заговоренную.

– Не забудь, как до грудины дойдёт, палку в зубы воткнуть, дабы язык не откусил и зубы не покрошил, – отозвался Куница.

– Да помню я, собирай слёзки.

В животе расцвел цветок огня, разгоняясь по кишкам, обжигая всё нутро. Кости плавилась в пожаре, съедая меня в пламени очищения. В горле запершило, глаза высохли.

– Всё, половина готова. Жаром пышет, кидай тряпку на грудь. Худой-то какой, как погонщик, рёбра торчат, да синий весь от вен. Ничо-о-о, откормим, ты, главное, выживи. Давай второй бутыл, ищю десять капель, да чтоб меня, из какой бутылки надобно-то?

– Синей, Таран, синей.

– Ага, пей, братко, пей.

Жар уходил, треща в костях красной золой. Я вздохнул полной грудью и захлебнулся от кашля.

– Палка где? Таран, быстрее...

– Я ж приготовил её, вот туточки было всё.

– Етить... Возьми лопатку костяную, ту, что не пригодилась. Открывай ему рот. За скулы зажми пальцами, сильнее... Вот так. Держи его... Крепче... Сядь сверху, не раздави токмо.

Громко хлопнула дверь, кто-то шумный и родной засопел за спинами ребят.

– Мирко, не лезь, тебя не велено было пускать. Да не пиши ты тут буквицы, один хрен, грамоте не разумеет. Одну собрали полную, всё до капельки. Не обронили, сберегли.

Глубокий хрип вырвался из моего рта, грудь мяло, выгибая ребра, сплетение ходило ходуном, кости ломались и скреплялись, причиняя боль. Мама, мамочка... Мама... МА... МА...

Сознание вновь улетело в даль, круша барьеры между явью и навью. Беспокойный сон, где с кровавой пеной у рта дрались мои ближники с отродьями, потом друг с другом. Мирко, выпрямив спину, поднялся над поверженным Тараном и криво мне улыбнулся. Следом ему в висок прилетел нож из тьмы, зажатый в руке Олега. Издалека эхом прилетели слова Ивана, тут все враги, а друзья – враги вдвойне... Никому не верь...

Не верь... Не верь... Верь...

И вновь голоса.

– Не хватает, тебе говорю. Капель 20-30. Может, чего добавить, воды там и вот тряпку выжмем с Босика, его потница же. – Голос Куницы был, как из бочки, глухой и протяжный.

– Мирко, ты же ветеран, скажи, что делать? – громыхнул Таран. – Что ты тычешь себе в рот, покажи тогда...

– Давай капли из бутылки, я свои слезы отдам.

– Думаешь, получится?

– Я – Страж, мы не думаем, мы делаем. Чего ржёшь надо мной, Куница? Я же не для себя это делаю. Пять капель для начала, Мирко держит, ты собираешь.

Шорох приготовлений, скрип стула, громкий глоток Тарана.

– Горькая гадость, как моя жизнь.

– Ну как?

– Кажись, началось. Точно началось. Аааа... Больно-то как... МММММАААААТТТЬ. Отец Небо, покровитель Стражи, помоги мне выдержать испыт... Ммммммааааать, мамочка... Мама... Сука, да почему так больното... Мааааа... Ть.

Тяжёлое дыхание трёх человек в комнате.

– Спасибо тебе, побратим, за Босика, за слезы. Клянусь, что никогда не скажу, что видел их.

– Боже, Куница. я не знаю, из чего сделан наш Светоч. Он с утра такое терпел, две бутылки наполнил, а я тридцать капель – и чуть не представился... У меня сердце разрывается от мысли, что он испытал. Всё, я ухожу, не могу больше смотреть на эту пыточную. Вливай ему из красной бутылки настой и мне плесни. В жопу вас всех, пойду напьюсь. Я – Страж уже три дня как, а всё трезвый, аки хворый. И бабу пойду завалю. И вхарю дам. Не смейся надо мной, Куница, не посмотрю, что побратим, в харю тресну.

– А потом чего? На сеновал потянешь? – Сквозь смех произнёс Следопыт.

– Чего? Зачем на сеновал-то тебя?

– Не посмотрю, ахах, что побратим, на сеновал оттащу... Ахаха...

К смеху присоединился Мирко, затем и сам Таран громыхнул. От нервов и пережитого смеялось легко, даже Я начал невольно улыбаться.

– Таран, смотри, ожил наш хворый, да не оставит его Мать земля!

Очнувшись от забвения, Я приподнял голову, оглядел ближников и произнёс:

– Теперь Я знаю, почему это называют "Слезы Матери". Чтоб Я ещё раз их принял, лучше сдохнуть.

– Живой, – выдохнул Таран, и меня тут же сжали стальные объятя Стража, отстранившись, он освободил место для следующего. Затем Следопыт ухватил моё предплечье. Лишь убийца, шмыгая раскрасневшимся носом, кивнул головой и вышел вон.

Через некоторое время пришли остальные братья с созыва, хлопали по плечу, жали руку, говорили тёплые и неискренние слова поддержки и благодарности, некоторые делились трофеями. Выбитыми клыками, когтями, насаженными на нитку глазами погонщиков. Какая дикость... Хотя, так подумать, люд вымещал свой многолетний страх, обиду и ненависть через такие вот трофеи, дескать, били деды, били мы и дети наши бить будут. А оставь каждого одного, как вновь крадётся липкий, холодный страх. Страх потухшего костра, одиночества, скрипа деревьев в лесолесье...

Позже меня накормили, даже, Я бы сказал, покормили. В комнату зашли двое. Дородная баба с разносом и весёлая девушка моих годов. Девушка задорно улыбалась, зыряка глазами в мою сторону, вторая же мостила на заваленную трофеями тумбу снедь.

– Ой, сколько у Вас всего, это вы их всех приговорили? – кокетничая со мной, заговорила рыжеволосая.

– Нет, это братья с южного лагеря мне принесли, – тихо ответил Я.

– А правда, говорят, Вы короля вбили?

– Да, одного.

– Ой как интересно-о-о. А расскажите про себя что-нибудь.

– Охолопись, Забава. Вой нежрамши три дня, а ты тут юбкой крутишь перед ним. Головой думай, чего ему шас надобно, – справедливо заметила женщина. – Давай, не стесняйся, меня Клавдией нарекли, а эта вертихвостка шас тебя покормит. Ещё один вопрос задашь, пока он не поест, пойдёшь в псарню с кухни.

Девушка побледнела, натужно улыбнулась и начала ложкой меня потчевать.

– Тьфу, окаянные, таз не могли за собой убрать. Смердит пуще, чем от дохлого иглобрюха. Забава, я второй раз повторять не буду! – грозно ругнулась Клавдия и, покидав тряпки, подняла лохань с пола. – Скоро обернусь.

Только баба вышла за порог, девушка тотчас переменялась. Отложив ложку и снедь в сторону, пальцем провела мне по голой груди. Затем приподняла подол платья, оголив худые, но соблазнительные коленки.

– Ну что герой, готов получить награду?

От осознания того, что Забава мне предлагает, дыхание моё спёрло, а сердце радостно затрепыхалось. Неосознанно зрение вновь переключилось, и Я увидел страх. Страх и отчаянье загнанной в угол водной крысы.

– Я пока слаб. Покорми меня... – охрипшим от досады голосом тихо прошептал, отворачиваясь от приятной глазу картины.

– Как так, ты же герой, а Я красивая. Неужто не желаешь сорвать плод? – обиженно произнесла девушка.

– Может, позже. Пока хочу есть.

– Давай, я ночью приду с бражкой или, если останется, настоящего пива принесу, могу вина слить, но за это можно руки лишиться. – Начала предлагать варианты смущенная рыжеволосая дева.

– Я пошлю за тобой, когда придёт время. ЕДЫ. Мне. ДАЙ. – чеканя слова, добил её.

– Как ты не понимаешь, я должна высказать свое уважение. Просто мне это важно, – жалобно канючила она.

Цветной спектр залился стыдом и страхом, но не передо мной. Я сразу вспомнил слова Ивана и уроки Мирко.

– Кто тебя послал? – в лоб спросил рыжую. Наблюдая, как меняется её отношение ко мне. Испуг, недоверие, страх, неприязнь.

– Что такое с тобой, да любой нормальный вой этого желает, у меня от них отбоя нет. Больно важный стал, с Храмовником пообщался, в обморок упал, как баба перед водной крысой. Теперича нос вертит, – разъярилась Забава.

Как говорил Папенька: бабу, если понесло, только понос да гром остановить может. Потому, сынок, молча ешь, а как поешь, спать идтить треба. Иногда, кроме перегара, крепких словечек и лукового смрада, изо рта Богарда выходило что-то поистине важное. Советам нужно прислушиваться, взяв ложку и миску, начал наворачивать похлебку. Мясная, с перловкой, с неизвестной мне душистой травой и клубнями. Вкуснее этого только сушённое мясо куслицы. Переломив травяную лепешку, вспомнил Тарана, Яму и Олега. Тарелка опустела, и Я перехватил овощ. Крупный, с кулак взрослого мужа, чёрного цвета, на вкус кисловатый и водянистый.

– Ты меня слушаешь вообще? Да кто ты такой...

Семечки в овоще крупные, как у тыквы, но не такие жёсткие. Вкус поначалу казался терпким, но далее раскрывался сладостью. Нужно бы узнать название. Пить мне не хотелось.

Потому, отодвинув от себя ложку, смахнул крошки с покрывала.

– Прости меня, пожалуйста. Что ты хочешь, только скажи...

Ну вот, поели, теперь можно и поспать. Повернувшись на бок и накрыв ухо рукой, чтобы не слышать плач, Я провалился в дивный сон.

Уже ночью ко мне зашёл Мирко с лампадкой в руках. Сжигаемый жир пах горкло и сильно коптил, сев на стул, легонько потрепал меня по плечу. Проснувшись, хотел было спросить Горбуна, но он прикрыл мне рот рукой. Достав дощечку и вытянув фитиль, принялся чертить буквицы.

"Как ты болит где, ходить можешь". Убедившись, что Я прочёл, указал пальцем: молчи. Протянул мне Клин. "Хорошо, болят только глаза и грудь немного. Сейчас попробую".

Откинув покрывало, только сейчас понял, что был полностью нагой. Мирко ощерился, что в бликах пламени выглядело угрожающе, но второе зрение показывало, что он просто смеётся. Я всё чаще доверял именно Таланту и заметил, что стал чётко определять эмоции.

Мирко протянул мне комплект одежды, что Я всю дорогу до городища нёс с собой, и даже короткие штаны, каких Я так стеснялся. Быстро одевшись, глянул на горбуна. Убийца хитро улыбался, Я требовательно протянул руку. Немного расстроено ослабил кисть с тростью, передал мне обувь. Коричневые, из мягкой кожи сапожки, на маленькой подошве с утягивающими ремнями и крупными застёжками из кости. Примерив, покрутил ногу на пяточке, любуясь обновкой. Оправившись, поглядел на своего спутника. Тот, приложив палец к губам, потянул меня тёмными коридорами по известному ему одному пути.

Дойдя до очередного перекрёстка, мы резко повернули налево и зашли в неприметную дверь. Зайдя внутрь, горбун сноровисто задвигал ящиками, освобождая проход; у дальней стены отодвинул тряпку, указал на нишу в стене. Подсадив меня в неё, знаком показал слушать внимательно, а сам сел на ящик и стал терпеливо ждать. Через долгое ожидание раздался условный стук подереву. Я превратился в слух, пытаюсь уловить звуки. Раздался скрежет отодвигаемой задвижки, затем твёрдый голос, очень мне знакомый.

– Подожди за дверью и проследи, чтобы нас не подслушали, потом проводишь гостя. А ты проходи.

– Малец не принял угощение. – Голос был тихий и вкрадчивый.

– Отчего же? Подарок был плох или пожалели капель в воду?

– Сам выбирал. Сиротка Забава – ладная девка, да и накапал я изрядно, мертвый бы поднялся.

– Ты меня огорчаешь. Может, кто надоумил его, или мы поздно зашли?

– После пробуждения, кроме его выводка, никого не было, горбуна срочно вызвали в лагерь, восстанавливать повреждения. Там неусыпно был наш человек, никто не входил.

– Жаль, идея привязать Светоча через бабу была хороша. Убийца, что сквозь расстояния может убрать помеху без следов. О таком мы могли бы только мечтать. Сильно укрепились бы. Кто его куратор?

– Олег Сладкоречивый. Та ещё сволочь, вцепился в парня, как клещец, без топора не оторвешь. А отнять силой мы не можем. Олег – герой Пустоши, да и любому может голову своим мёдом заморочить.

– Как он его пользоваться хочет? Ещё одного Мирко сделать? Калека, которого продавали десять раз, а он всё не тонул и не горел.

– Думаю, он хочет забрать химеру. Потому и отряд его такой сложный. Ветеран, три героя, хм, уже четыре. Выводок тоже хорош, перемолотили под сотню выроdkов, потеряв с

два десятка. Да под такого командира любой святой отец поход сформирует.

– Высоко метит, химер почти не осталось. Значит так, мальчика тyani через учителей, дай лучших. Можешь посадить его на гушку, только через воду травы, так следов меньше. Седмица у нас есть, а там чего-нибудь ещё примыслим. Свободен.

– Повинуюсь, Пастор.

– Хотя, стой. Забаву побереги, подарок Крестителю сделаем. Он любит моложавых.

– Да прибудет с нами Свет.

– Иди уже.

Мирко резко встал и помог мне спуститься, подойдя к двери, долго прислушивался. Тихонько открыв дверь, нырнул в темноту, и через короткое время махнул мне из-за двери рукой. Я, находясь под впечатлением от того, что услышал, шёл следом, не разбирая дороги. Всё враги, а те, что друзья, враги вдвойне. Набатом стучало в висках. Только возле кровати пришёл в себя. Всё это время горбун терпеливо ждал.

– Ты знал про то, что тебя предали? – хриплым голосом прошептал Я.

Положительный кивок.

– И что это Олег?

Ещё один кивок.

– Отчего же ты с ним? Почему не ушёл или не отомстил?

Мирко схватил дощечку и быстро написал. Затем зажёл лампаду от огнива.

"ЖДУ ХОРОШЕГО ДНЯ А ТЫ МОЙ ХОРОШИЙ РАССВЕТ".

Затерев надпись, начертал ещё одну, скоро выводя буквицы.

"НИКОМУ НЕ ВЕРЬ ИЗВИНИ, НО ТЫ МОЙ ШАНС".

"МНЕ ЖАЛЬ".

Оставив меня наедине со своими мыслями, немой исчез в темноте.

Быстро раздевшись, Я свернулся калачиком и хотел заплакать от досады, но видно, все слезы Я пролил сегодня уже на годы вперёд.

Значит, Я для них просто средство, инструмент. Покорная овца, что ведут на закланье. Простое жертвоприношение во имя власти, а не Храма или Люда.

Глава 4. Основы мира

Утром мне вежливо постучались в дверь. Оторопев от неожиданности, Я быстро соскочил с кровати, напялил одежду и подобрал отросшие волосы под тесьму. Открыв дверь, увидел служку с ворохом одежды. Удивился не только Я, глядя на широко раскрытые глаза молоденькой девушки, увидел в них восхищение и недоумение одновременно. Быстро опустив глаза в пол, незнакомка протараторила явно заученный текст, потому как сложные слова она произносила с особой тщательностью.

– Милостью Святой Церкви и знанием о крайней нужде в чистой и достойной одежде для героя, святой отец Пастор пре-под-но-сит Вам эти необходимые в обиходе вещи, с надеждой на скорую аудиенцию. Потом Я должна поклониться и вручить вещи. Ой, извините, Светоч Путеводный Босик. Не извольте злиться – мне наказали вас одеть к торжеству.

– Спасибо за участие, но как видишь, Я одет и обут.

– Как же так, мне поручили важное дело, а Я опять все испортила, – более не сдерживая слез, произнесла служка.

Втянув её в комнату и усадив на кровать, Я принялся её успокаивать. Проревев первый испуг, незнакомка вскочила, низко поклонилась.

– Не дело девочкам восседать в комнате молодого господина. Наша матрона говорит, что так и до греха недалече.

Я от души рассмеялся.

– А как ты меня одевать собралась? Через порог и не глядя?

– Я не подумала. Молодой господин не сердится? – с надеждой в голосе вопрошала девчонка.

Мне она показалась открытой и родной, скорее всего, напомнила сестру Мошью. Потом Я рассердился, небось разузнали про меня, и теперь не блудница шлют, а наоборот. Хотя, девку жаль, она такой же инструмент.

– Как твоё имя, представься?

– Агнешка.

– Кто же так представляется? Я Босик, третий сын мастера Богарда и Стеллы. Ныне брат Святой Церкви Светоч Путеводный. Давай ты теперь.

– Я Агнешка, не знаю, какая по счету дочь постояльца корчмы и блудницы Амели, ныне вещь святого отца Пастора, по праву долга. Пока его не выплачу усердием и прилежанием, не могу называться иначе.

– А как бы ты хотела, чтобы люди тебя называли?

Девчонка приосанилась, подняла подбородок и выпятила вперёд грудь.

– Я, Агнесс Огненная, дочь Святой Церкви Воительница Северной Пустоши.

– Почему Огненная?

– Ну, у меня будут длинные, рыжие волосы, собранные в косу. Красное платье и железный меч. Я назову его Карающая Длань. Я буду командовать большим отрядом и наводить ужас на отродья и тварей. И в каждой корчме будут мои портреты и барды будут петь баллады про меня. Вот.

– У тебя все получится.

– Эх, если бы не долг, пошла бы учиться. Тем, кто знает буквицу и цифры, больше

платят.

– Велик ли долг?

– Ну, Маменька продала меня за 30 монет. Распорядитель, как он говорит, вложил в меня ещё столько же. А торганул за двести. Значица, хозяйину Я должна выплатить четыреста.

– А почему не двести?

– Вот ты неразумный какой, а в чём интерес меня за ту же деньгу отдавать, тута всё честно.

– И много отдала?

– Эх, за полгода, что я тут, бремя только выросло. Сама виновата, то болтаю много, невнимательная, посуду недавно расколотила, скорее бы уже двенадцать зим случилось. Тогда могу греть постель господам и получать за это чешуйки. Тогда бы лет через двадцать отдала бы.

– Но это же рабство! – возмутился от души.

– Что ты, рабство – это, если бы Я выкупиться не смогла. А так всё по уму. Маменька получила возможность выплатить виру, господин – служку, я – кров, еду и надежду. Что мы тут болтаем, давай одевайся, скоро завтрак, а потом у тебя, у Вас, простите, учителя. – Поправилась Агнешка и начала готовить одежду.

Да уж, выбор Горбуна мне больше по вкусу. Широкие штаны соломенного цвета с оторочкой, такая же рубаха, то бишь косоворотка с красным воротом, поверх – безрукавка, отбитая гладким мехом. Кушак под цвет и соломенная шляпа с большими полями. Головной убор убрал сразу – только мешал смотреть и постоянно падал на нос. В завершении обувка, открытые носы и без подпятника. Да как же Я на улицу в нем выйду, али в лесолесье. Замерзну. Мысль, которая следом мне пришла в голову пронзила хуже ножа. Благодетель и не хочет, чтобы Я покидал городище. Оттого и одежда лёгкая. И всё что-то меня смущало, какая-то мелочь, пустяк, помимо того, что выйти надолго или сбежать в ней Я не смогу. Посмотрев на Агнешку, желая выпросить ответ, как узрел на груди её нашивку с стилистическим рисунком соцветия. Этот цветок Я знаю – это лилия королевская. На нашивке, конечно, не она, но очень узнаваема. Два крючка с утолщением сверху расходятся, как лира, посреди три линии с точками, символизирующими пестики и тычинки. Оглядев одежду, увидел на каждой детали такие же узоры или нашивки. Ну уж нет, клеймо на себя ставить не позволю. Взяв нож-коготь, подцепил нитку и распустил её, отрезав тем самым тавро. Оглядел результат, выглядело всё достойно. Штаны с прокрашенным узором Я отринул, оставив свои, одел лишь рубаху, пояс и безрукавку. Поверх – добрая куртка с карманами. Закинув подарок убийцы за голенище, был готов к аудиенции, не знаю, что это, но название очень грозное.

Повернувшись к служке, обратил внимание на её состояние: страх, близкий к панике, в кулаке зажаты нашивки.

– Избавься от них, лучше в огне. Я – Брат Церкви и принадлежу ей, а не святым отцам. Пошли уже, и не трусь, это мой выбор. Приходи вечером с лампадкой и углем, будем грамоте учиться, – попытался успокоить Агнесс Огненную.

В ответ она пронзительно взвизгнула и полезла обниматься.

– Полно тебе, а то, как говорит твоя Матрона, до греха недалече. – Смутив девушку, отстранился и пошёл на выход. Смешно семеня ногами, девка меня догнала, крепко сжимая кулачок и держа широкополую шляпу в другой руке.

– Куда ты, нам в обеденный зал, а это в другой стороне, – окрикнула меня и, схватив за руку, потащила прочь. Лишь краем глаза увидел тень, что шмыгнула в темноте коридора.

Ещё седмицу назад Я восхищался залом, где Септорий Олег задавал мне вопросы о таинстве посвящения. Сейчас же Я просто застыл столбом, жадно оглядывая открывшуюся картину.

Высокий потолок, украшенный картинами из святописания. На тучах восседали старцы, а толстые голожопые мальчики с крыльями, как у гужелицы после окукливания, играли им на лирах. Везде умиротворенность и величие, казалось, что большие своды сами по себе были сотканы из неба и туч, из солнечного света и звезд, потолок же покоился на массивных колоннах, кои поддерживали рослые кудрявые мужики, с листьями место промежности. Стены также расписаны во весь рост. А на стенах большие полотнища со сценами охоты. Люди верхом на криволапах, с копьем и стрелами загоняли куслицу. Но если люд был нарисован точно и в правильных пропорциях, то живность была очень плохо схожа с действительностью. Куслица была начертана зачем-то с прямыми ногами и длинными ветвистыми рогами. Пол причудливой каменной мозаикой выложен, в центре – большой круг с чашей. У застекленных высоких окон стояли столы подковкой, за которым трапезничали вои, знатные Люды, ветераны и септы, а также святые отцы этого городища. Выйдя на центр, поклонился на три стороны. Разговор и смех за столом не утих, до меня просто никому не было дела, лишь пара человек кинули заинтересованные взгляды, и вои кивнули головой.

М-да, и что делать? Примкнуть к тем, кого знаю? Рядом с Олегом и Иваном нет свободных мест. А там, где они были, люди мне незнакомы и из разных каст. Я не воин, не храмовник, не господин. Тогда сяду туда, где мне будут рады. Нырнув в состояние Таланта, заново оглядел присутствующих.

Три золотых столпа – Святые отцы, отношение ко мне – безразличие. Более десятка человек светились багровой ненавистью, воины в большей своей части уважительно горели сиреновой дымкой, большинство мной или не интересовались вовсе, или были чёрными пятнами, не такими, как у стаи, там чистое зло, липкое и тягучее, а как тьма или туман, в котором ничего не видно, Я такое уже видел у Септория Марука Тёмного. А вот Олег, Храмовник с площади и ещё около шести человек искрились нетерпением, предвкушением и корыстью. Что же, делать? Стою, как неразумный в исподнем пред всем честным народом, посмешище, да и только.

Трижды поклонившись на три стороны, развернулся вспять и потопал к выходу. За столом кто-то поперхнулся, и ему тут же помогли крепкими ударами по спине. Разговоры утихли. Мне в спину ударила волна возмущения, негодования, удивления и откровенной веселости. Пойду поищу свой выводок, с ними хоть покушать, выпить или умереть интереснее.

На улице мне повстречалась Забава, громко хмыкнув, горделивой походкой прошлась, одарив меня букетом презрения и обиды. Знала бы ты, какие на тебя планы у твоего господина, бежала бы, аки собачина во время гона в лесолесье. Окликнув Стража, спросил его, где ближайшая корчма. Здоровый детина окинул меня скучающим взглядом. Затем в глазах мелькнуло узнавание, брови поднялись, и лицо растянулось в дружеской улыбке.

– Ты ж, этот, как там... А, вот, Светоч! Айда провожу, слушай без обид, но правда, что ты десяток королей упокоил? – потянув меня за руку, спросил бородач.

– Только одного, Я должен был их на городище выманить и, вроде, справился.

– А ты взаправду три бутылки Слёз Матери выхлебал?

– Одну в лагере, когда спешил в городище, две на помосте.

– Это да-а-а... Я бы так не смог. В сече и в горячке, когда ворог перед мордой, а кровь кипит, то можно стерпеть любое. Мне, когда поселковых били, стрелка в плечо попала, так Я ещё четверых заколол, а потом у лекаря, покуда стрелу ковыряли, думал – уйду за Грань. Если бы знал, что щас прилетит, струсил бы, как есть струсил. А ты, зная, как крутить будет, взял и вышел. Не, то сильно для меня.

– Там мои побратимы, и мой выводок там бился с ордой. Насмерть. Как Я мог поступить иначе. А часто вы с поселковыми сечётесь?

– Да не, только когда прика... Ой, – стража хлопнул себя по губам. – Заболтался я чего-то, ты это забудь. Похвастаться решил тем, чего не было. Ваши вчера крепко в корчме посидели. Сначала чинно так, за ветеранов, септов и тебя поминали. Потом пришёл здоровый Страж, чёрный, как туча. И давай стыдить, Вы тут, как свиньи бражку жрёте, а он там... А что там поначалу молчал, схватился за голову и сидел долго, потом взял как кружку за раз выпил и поведал, как из тебя Слезы Матери собирали, да так сказал, аж страшно стало. Ветераны, те, что знали, помрачнели сильно, и вовсе пошли с вашими за стол. А потом, как буча началась, за них вступились. Честно бились, от души, без ножей и палок, на кулаках. Самое интересное потом было, лагерные строй сбили, вот умора, кабацкая драка строем. Вперёд стража вышла, а волокуши позади на лавки стали и через голову наших били. Где это видано, чтобы волокуши стражу вбили, а ведь вбили. Уважение большое им теперь. Потом гвардия пришла и всех в острог отвела. И наших, и ваших, и ветеранов. Поутру отпустили, так они так сдружились, что в другую корчму пошли, в ту, что целая. Токмо двоих оставили, на них виру хозяин кабачка повесил. Побратимы: следопыт и стража. Вот история тоже, везде и всюду они первые недруги, а тут друг за друга зубами рвали. Эх, жаль Я на посту был, в такой драке, что будет долго на слуху, можно и глаз потерять.

– Где острог? – остановившись, тихо произнёс.

– Дык рядом, а на кой тебе? – удивился здоровяк.

– То мои ближники.

– Да откуда вы такие? Ещё и Светоч брат. У вас земля сама братьев рождает, без мужа и бабы? Ну, пошли, коли ближники.

У Ямы скучали двое бойцов с копьями и перебрасывались байками.

– А вот слушай ещё. Пришёл король упырей в неприличный дом, выбрал Блудницу и уединился с нею. Она перед ним и так, и эдак, потом не выдержала и говорит: давай, дескать, сюда. А он ей в ответ, где это видано, чтоб в живого человека писей тыкать. Ах-ха-ха, вот умора. Понял да, понял? Какой ты недогадливый, Омар. Короли живых баб не пользуют, токмо с мёртвыми, потом из них себе свиту крутят. Тьфу на тебя, отрыжка кислая, дал Святой храм напарника. Стой, кто идёт!

– Очнись, тюремная душа, это я– Третьяк. – грохнул басом мой провожатый.

– Чего тебе, Стража? Долг принёс? – хихикнул охранник.

– Там у тебя двое томятся, Следопыт и Стража, из лагерных, вот на свиданку их ближник пришёл.

– На них вира висит от хозяина корчмы, колченогого Франца, без уплаты – ни свободы, ни передачи. А уж про встречу, тем паче, не заикался бы.

– Велико ли бремя? – горестно прошептал Я.

– Так, в таверне десять монет, управа две запросила и городище требу выставила тоже две. Сколько это будет десять и четыре монет, а, Омар?

– Четырнадцать, – посчитал Я.

– Грамотный! – восхитился Третьяк. – Что, вообще никак?

– Ну, если только перед управой бремя закрыть, тады можно будет. Две монетки, срока-то седмица всего, потом уйдут ребятки с торга. И спрос уже был.

– А в чешуйках это сколько? – быстро собрался Я, вспомнив по тайник в кармане.

– Дык всё просто: в монете десять раз по десять чешуек. А две монетки, это дважды десять десятков.

– Двести чешуек, откуда такая вира-то? – а потом меня пробила вторая мысль, это сколько же Агнешка тогда должна? Деньга неподъемная для бедного люда. – Одежкой возьмёшь? – отчаявшись, тихо произнес.

– Какой? И чьей, смотри за воровство у нас виры нет, руку рубят. – Подобрался тюремщик.

– Моей. – Ответил и стал стягивать с себя куртку.

– Дык это только половина будет, – быстро оценил мою одежду стражник.

Молча перекинув ножи за кушак, стянул с себя сапожки, подбросил в руку мздоимцу.

– Фи, у моей младшенькой размер больше. Ладно, сойдёт. Иди, только скоро оборачивайся!

Острог явно старый, из Тех, что остались до Исхода. Ладные двери и крепкие, похожие на камень, ступени. Стоило спуститься под землю, мне в лицо ударили запахи нечистот, невымытых тел и кислой рвоты. В леднике было морозно и темно, потому, стоя голыми ногами, Я поежился. Многие клетки были открыты и уходили рядами в обе стороны.

– Таран, Куница! – прокричал Я, и эхо перекинуло мой голос по коридорам.

– Братко, ты ли это? – раздался хриплый голос Тарана.

– Если лепешку принёс, то не нужно было, нас вчера так накормили, до сих пор нутро болит. – горько пошутил Следопыт.

Проклятое эхо отбивалось от стен, наводя морок. С какой же они стороны? Включив Талант, оглядел коридоры. Святая Церковь!! Всё помещение было залито болью и отчаянием. Это ж сколько здесь народа томилось, сплевывало кровь с разбитых губ, баюкая сломанную конечность, проклинали своих мучителей, задыхаясь от кашля и плесени? Вдруг, поодаль, с правой руки, узрел два красных пятна. Мои!!! Прошлёпав голыми ногами до нужной клетки, просунул руки за решётку.

– Родные мои, как же так сгруппили, что под виру голову подставили?

– Да уж, – крикнул Куница. Таран был более словоохотлив.

– Всё чинно было, сидели, поминали сечу. Ветераны местные про свои говорили. Потом эта Курва, подсел и начал спрашивать, да свои поганые слова вставлять. Как Я договорился, так в итоге эта сука всё переиначила. Дескать, мы там ссались в Яме, пока городские стаю били. Так что мы должны им быть благодарны. Я не стерпел, вскочив, приложил его кружкой по голове, а тот извернулся. На ту беду, местный страж шёл, вот в него Я и попал. Тот, юркий, как крикнул: "Наших бьют выродки лагерные!" Вот там всё и понеслось.

– А пили-то на чьи? Не помню, чтобы нам выплаты были, да и седмица только первая прошла.

– Дык, на столах всё было, потом таскали ещё, как угощение от города за освобождение.

Тут Куница поднял хворую голову, в его глазах читалось понимание.

– Прости, пьян был, потом сеча. Виру не ищи, сами дураки.

В моей голове долго крутился вопрос, почему Олег не разрешил бремя? Не монетой, так

своим положением. А как услышал историю, всё сложилось.

– Держитесь тут, попробую, что смогу.

– Бывай, Братко.

– Да увидишь ты завтрашнее утро.

Выйдя на свет, с удовольствием потянул свежий воздух. На улице меня ждал тюремщик с красной щекой, а рядом примеряли кулаки Омар и Третьяк. С моим появлением драка закончилась. Омар мне поклонился. Третьяк правил свой нос. А красномордый протянул мне мои вещи и низко поклонился.

– Прости меня, не признал. Твоим ближникамя лично принесу еды и питьё. А вечером одеяло подам.

– Скажи мне, кто гвардию позвал в корчму?

– Дык народ кликнул. – Вжав голову в плечи, воровато огляделся тот. – А кто именно, то мне неизвестно, не запомнил.

– А на одежке, случаем, не королевская лилия была?

Глядя на испуганные глаза тюремщика и применив Талант, Я получил ответ на свой вопрос.

– Дай тебе Отец-Небо и Мать-Земля мира и здоровья, за заботу озаключённых под стражу. Бывай, пойду виру собирать, глядишь, успею за седмицу, а? Как думаешь?

– Трофеи очень любит старьевщик Жак, что у стены промышляет поделками, иди с Храмом, итак меня под плети чуть не подвёл. И не держи зла, служба такая, – отвернувшись в сторону, произнёс раскрасневшийся от оплеухи острожник.

– Пойдем перекусим да слухи послушаем. Угощаю, когда ещё смогу по мордам тюремщикам дать? Грешно не отметить, – подмигнув глазом, сказал Третьяк.

– А старшие братья твои где?

– Дык сгинули. В пустоши один остался, второй на мятеж ушёл, там его и упокоили. А ты как познал, что я не один? Это Талант?

– Это имя твоё, значит третий. Старший Первак, второй Вторник или Вторяк. Затем ты. Обычно в таких семьях, если земля даст, много детей, до семи, а то и более.

– Шестеро нас было. Маменька боялась седьмого носить, оттого что Папенька у нас тоже седьмой был. Так что младшенький мог много бед принести. Осталось только двое. Я и Марфа. Вот и корчма та, что целая, тут наши, должно быть. Заходи.

Корчма пахла потом, кислой хреновиной[4] и разлитой бражкой. Сдвинутые столы, разной высоты, засыпаны лоханками со снедью и перевернутыми пустыми кружками. За столом – порядком захмелевшие ребята из выводка и незнакомые мне люди. По кругу шла братина, наполовину пустая. Местами люди лежали на столе или на свободных лавках, икая и громко отрыгиваясь.

Нас заметили, и кто-то громко крикнул:

– Да это же два героя: Светоч и Третьяк Дырявое плечо. Вот так встреча, айда к нам!

Удивление, безразличие и стыд. А вот со стороны отдельного стола потянуло повышенной заинтересованностью, с толикой растерянности. Так и есть – серая личность со знаком Пастыря на рубахе. И впрямь Курва. Сонный и помятый соглядатай быстро отвернулся, с повышенной скоростью наворачивая овощи. Хозяин корчмы, с крестом на шее, заполнял кружки и следил за порядком.

– Не ожидали тебя увидеть. Таран говорил: ты совсем плох, да и ветераны сказывали, что тебя теперь совсем не достать, высоко взлетел.

– Я ближников не бросаю, с утра Куницу видел и Тарана. Живы-здоровы. Как ветеран Смит? Кто проводывал?

Ответом мне были потупленные взгляды и волна стыда и раздражения.

– Нас же вчера упекли в Остроге, да и Олег обещал лекарей лучших нанять. Тарана мы видели, пожелали скорейшего возвращения. Да ты падай, голодный небось?

– Гарик, принеси завтрак на двоих и выпить.

– Мне воды только. Нельзя пока хмельное.

– И воды моему другу, лучшей, – поправил заказ Третьяк.

Принесли жратву и воду с лёгким овощным привкусом. Пока ел, внимательно смотрел по сторонам да слушал. В основном пьяные байки, истории из жизни да планы на завтра.

Немного перекусив, спросил:

– За чей счёт гуляете? Олег дал? Или свои прожигаете?

– Дык у нас посвящение, вроде заведено угощать за так. Вчера также было, никто на утро не спросил.

– Трофеи остались? Нужно продать, Другов тянуть из Ямы.

– Мои трофеи. Мне и решать, что с ними делать. Ты вон у своих благодетелей попроси.

– Мы – стража, за своих горой. Брат за брата, так ты говорил у моей лавки в лагере? Что же спасибо за науку, слова заberi, потом их кому-нибудь отдашь.

– Я там кровь лил, братьев терял, а ты по лесу трусил. Скольких ты упокоил?

– Одного короля только. Но ты прав, пойду поищу других, кому выводок важнее костей и зубов.

– Ах ты, сука, да он, чтобы просто к ближникам зайти, с себя куртку и обувь снял. А ты... Тьфу...

– Не знал я. Чивой орёшь-то. Пройдусь до трактирщика, поспрошаю за оплату. – Пьяно оторвав тело от лавки, вой поплелся к стойке.

За то время, что мы общались, со спины зашёл соглядатай.

– Други, славно вчера посидели, и рубака вчера знатная приключилась. Угощаю, у меня сегодня дочь родилась! – фальшиво улыбался, принимая поздравления.

– Спасибо, но нам на сегодня хватит. Не то весь выводок в Яме под вирой сидеть будет. Прикупи дочурке чего-нить лучше, – отозвался Я. – Туточки все парни горячие, им бы только знать, кто гвардию вызвал. Враз упокоят. Щас сил наберусь и прознаю, не даром меня Путеводным кличут, найду дорожку до злодея. Да и примета есть уже, осталось погулять поискать.

– Какая примета? – ужаснулся тёмный. – Я туточки всех знаю, подскажу, если что.

– Чета у него тяжёлая была, вот-вот разрешиться должна, да знак на рубашке был. Щас сил мало, не берусь, потом точно скажу, какой. Пока знаю, что цветок, что на болотах растёт.

– Найди его, Босик. Я ему лицо помну крепко. А потом в болоте и притопим, чтобы цветок лучше рос, с воротами я договорюсь, – подыграл мне Третьяк.

– Щас доем и начну к Богам и Храму обращаться, до обедни управлюсь, – промолвил Я, зевнул крепко, и принялся шептать заговоры.

Темника как ветром сдуло.

– Как прознал? – спросил Третьяк.

– По запаху гнили. Узнай у своих, он вчера в корчме наливал парням, да над Тараном потешался? – робко попросил воротчика.

– Он, как утек, сам ответил на твой вопрос. Да и сидит в корчме, что другому отцу

служит. Да уж, Светоч, не по годам ты умен. Тебе 12 зим-то есть?

– Я робкий был всегда, не знаю, Талант это или что иное? Как подменили меня, на ощупь вроде тот же. Род свой помню, а вот поступки чужие. Наверное, нужно причастие сделать, может, дух во мне чуждый.

– Маменька у меня из огородников сама. Так вот, говорит, растёт помнидоринка, овощ такой синий, с кислыми семенами, и не лезет из него цвет. Так вот, она ему нижние ветки обрывает, а тот с испугу вверх и ползёт, и цветом обрастает, потом урожай даёт хороший. А ежели переусердствуешь, то мрёт на глазах. Так и с тобой за семь дней, что я слышал, ты многого лишился. Рода, дома, друзей потерял да спокойный честный труд. Лишения тебя не убили, а лишь ускорили твоё взросление. Вот щас отвернуться от тебя и послушать, так ты глаголешь, как взрослый муж, годиков двадцати, а то и двадцати пяти. Повернуться вспять, а тут десять лет от силы.

Вернулся страж, растерянно оглядел вокруг.

– Туточки из бесплатного токмо воздух у нужника. За стол уже заплатили, как мы пришли, всё, что сверху, наша доля. Потому, братцы, пора службу искать, а то завтра харчеваться нечем будет.

Народ зашумел, пособирал объедки по карманам, и воипошли на выход. Стража подошёл ко мне.

– Прости за хмельной вздор, где, говоришь, трофеи можно скинуть на деньгу?

– У ворот, старьёвщик Жак. Разбейте на кучки разные: отдельно зубы, отдельно клыки и так далее. Если будете с одним и тем же подходить, выручите мало, – посоветовал Третьяк

– Бывай, брат. Я всё думал, Таран тебя из-за той лепешки уважает, а вот как обернулось. Не в снеди дело, а в тебе. Смига в ближайшие дни проведедем.

– Не наберут они столько на виру. Под городищем много побили, цена сильно упала. Десятую долю дадут от честного торга.

– Сколько такой нож стоит? – вытащил Я подарок Убийцы.

– Никто не купит, такие вещи только подарить можно или из боя взять. А вот второй, тот, каким ты короля одолел, можно сдать за дорого, монет пять-семь выручить.

– Отчего же этот коготь отличается от любого иного? И откель такие знания про цену?

– Хех, ты пока в острог спускался, Жежель, та ещё проныра и мздоимец, хвастал, что за куртку героя и сапожки монет десять, как с куста снимет. Дескать, в управу одежду не берут, им только злато треба. А невольники всё равно уйдут с торга, никто не даст выкупить. Потому славно день начался, с прибыли. А вот почему не дадут бремя выкупить, то мне не ясно. Но жучара попусту не болтнёт, значит, знает чего. Я, как услышал, что он замыслил, так от души его приложил. Только ноги вверх поднялись. Второй, Омар, начал меня крутить, но Я – Стража или хвост крысы? Потискались слегка, а тут и ты. Я в отчаянье ляпнул, что весь городище узнает об обмане. Так вот потому он тебе возвернул всё да обещал заботу невольникам.

– Жаль, не узнал – кому вторговать хотел.

– Так то не тайна: знатные четы или просто охотницы за мужами за диковинку готовы отродье купить, дабы хвастать на вечерах. Тех, кто в опале, искать нужно, это их выход на свет. Потому и деньга такая большая. Но щасидтить некуда, они, почитай, всю ночь кружат и до обедни спят, ага. Эх, день так день – Светоча за столом угощал, истории слышал, морду тюремщика обрадовал кулаком. Теперича меня будут седмицу поить, чтобы токмо рассказ услышать.

– Вечером сходим с тобой в знатный дом, расторгнемся, я тебе расскажу историю про дружбу и предательство. А если останется выше выры чего, все твоё будет. Ты, главное опальных пощи, своих пошукай. Может, кто и подскажет чего.

– Вот ты где, а я бегаю, ищу его. Пойдём в учительскую комнату. Скоро начнёт читать Нестор Петрович, лучший преподаватель были и небыли. – Агнешка отвлекла от созерцания пустой тарелки и недопитой воды, а она и прям лучшая. Вкуснее не пил. Вот бы сестричке такую отнести.

Требовательно протянув ладошку, Агнесс Огненная нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

– Бывай, Третьяк! Дай Небо – свидимся когда ещё, – хитро моргнув глазом, попрощался с моим новым знакомым.

– Город большой, люди маленькие. Если что, ищи меня у ворот, где стяги стоят. Там Я бываю, если не в корчме, – улыбнулся здоровяк, кося глазом на нашивку Агнешки.

Учительская комната – не чета нашей, тамось три человек с давкой помещались, да учитель. А тут все тридцать сидят, и место есть ещё для стольких же. Учитель одет странным образом: вязаный крупной ниткой безрукав, штаны из плотной шерстяной ткани в цветную сетку. Сам невысок, круглый живот, как у короля ночи и тварей, а плешь на голове почти выдавила скудные седые волосы на окраину." Большой головы человек", – так бы Богард сказал.

Слеповато шурясь, оглядел меня, затем спросил: – Грамоте обучен?

Я утвердительно кивнул.

– И то дело, представься.

– Моё имя Босик, Я – третий сын мастера Богарда и Стеллы, ныне Брат...

– Да всем до колена, кто ты, – грубо перебил меня смазливый парень моих лет, в богатой одежде.

– ... ныне Брат Святой Церкви Светоч Путеводный Босик, – чеканя каждое слово, не отрывая глаз от нахала, продолжил Я.

– А-а... Тот герой, что ходить не может, в городище на руках принесли, на помосте двадцати шагов не сделал, – отравил мне настрой второй знатный.

– Истинно так, сюда-то с третьей попытки пришёл.

– Так, тишина в классе. Кто ещё без позволения слово молвит – покинет зал, не смотря на реалии и знатность. Начнём урок.

– Давным-давно, лет за 30 до Исхода была война, да война такая, что Матушка Земля ещё не видела. Люд против Люда, а не как шас. Всё против всех. И тогда зло рассеяло грибы по всем городам и крупным сёлам, сжигая всё без остатка. Люд, кров, живность и инструмент. Железо превратилось в воду, а вода в пар. Высохли моря и озера, речки и ручьи. Человек спрятался под землю в закрытых домах. Но то было только начало. Гриб, наевшись, лопнул, накрыв небо тьмой и покрывая Мать Землю пеплом. Закрыв солнце тучей, что не падала дождём, и Мир стал мёрзнуть. Вода, та, что поднялась паром, отравилась грибом и упала через год, дырявя землю отравой. Мать Земля крепко осерчала и начала ворочаться. Горы на ней ушли вниз, а долины и леса поднялись вверх. В трещинах мог поместиться наш городище, а то и два. Самый крупный Разлом есть на южных предгорьях, где пустыня Байкал и где живут лысые дети и их горбатые родичи. Страшное место, и нравы там крутые. До сих пор жрут людей и пьют кровь. Там же чёрный люд обитает, покрытый шерстью и почти не разумен.

Отец Небо облил тучу грибную, дабы дать Земле Матушке, что изнывала от тоски по солнцу и небу. Но зло упало с дождём и впиталось в трещины. И Мать, отравленная сильно, породила выроdkов.

Человек вышел из-подкамня и ужаснулся. Тот мир, что зналон, умер, не было жизни снаружи, лишь огненные реки, потравленные леса и воды. Мать, изгоняя из себя зло, рожала его. Мысли были, чтобы люд, натворивший дел, сам убивал выроdkов, очищая мир, как черви, что живут в земле и делают почву богатной. На тот момент ещё были секреты с едой и оружием. Но, расчистив себе место жизни, стали меряться, кто вправе властвовать на земле. И тогда брат пошёл на брата, а сын на отца. Те, кто не захотел убивать, ушел из городов в живые места. Там они встретили поселение, что выжило само и держалось старых укладов, оберегая заветы предков. И создали они Святой Храм для Отца Неба и Святую Церковь для Матери Земли. Так мы и живём по укладам, записанным в Святом Писании... Продолжим после обедни.

Глава 5. Не верь никому

– Ах, вот вы где, Босик, сын Богарда. Знаете ли, утомился Вас искать. Видел Вас за завтраком, такой демарш, знаете ли, как минимум не оставил никого равнодушным. И ведь по уму-то как, поклонились, высказали уважение. Подождали, когда к Вам соизволят обратить взор, без приглашения за стол не сели. Но чересчур Вы поспешны оказались, каких-то две-три смены блюд, и Вас бы заметили. Но спешка – удел молодых. Понимаю... М-да, Олега явно ждёт успех, как минимум, узнавание. Каков птенец, меньше недели Младший Брат и вдруг – Герой, такую карьеру, знаете ли, только во времена Смуты делают. Не соизволите ли отобедать в моей компании? Не трудитесь с даром, рано Вам ещё Святых отцов проверять. И это не просьба. Это наставление отца Святого Храма. Пойдёмте. Славно Вы нашивочки отпороли. Кое-кто явно в бешенстве будет. Мой Вам совет, обзаведитесь достойным покровителем, и станет легче жить, понятнее – уж точно.

– Прошу прощения, не знаю, как к вам обращаться, Святой отец. Вы кого-то конкретного имеете ввиду или есть выбор?

– Забыл совсем, что Вы в беспамятстве валялись три дня. Было посвящение Младших Братьев и награждение отличившихся. Там всех представили, в том числе и мою скромную персону. Обращайся ко мне: Святой Отец Павел Креститель. Что касается выбора, он невелик. Одного тигра Вы за усы подёргали – Пастора Якова. Второй – Я. Третий – Амир Полумесяц. Очень сложный человек, совершенно не умеет договариваться. Проходите в малый зал.

Ну уж точно не малый – покои, сравнимые со спальным домом в лагере. Аккуратная и даже скромная обстановка, но не лишена уюта и практичности, всё явно на своём месте. И чувствуется порядок во всем, а как уложены тряпицы на столах, явно утюженные горячим камнем, они были будто натянуты. Стулья стояли в строгой линии, кроме одного. Цвет помещения сравним с блёклым золотом или чистым песком, коим мы в своём поселении натирались для чистоты тела. Полы каменные в светло-зелёном цвете, причудливо уложены в узор креста.

Сев во главе стола, жестом пригласил последовать его примеру. Стул был отодвинут только один, потому выбора у меня было мало. И тут за меня всё решают. Громко хлопнув в ладоши, приглашая других участников трапезы. Двери открылись, и люд без суеты и спешки занимал своё, строго отведённое место. О, как у них тут всё устроено, по линии да распорядку. С таким не забалуешь, вмиг место укажут. Но, если сравнивать с Яковым... Хотя, какая разница молотку, кто его в руке душит.

Каждый, вновь зашедший, низко кланялся Крестителю, садился на стул и, сложив ладони лодочкой у лица, терпеливо ждали. Последний занял своё место. За столом воцарилась тишина.

– Братья, с нами сегодня вкушать пищу пришёл Светоч Босик. Прошу оказать ему всесторонне поддержку, в рамках разумных начинаний. Мальчик только сегодня столкнулся с выбором покровителя, потому дадим ему время сделать выбор, будем молить Господа нашего о разумности этого дитя. Сегодня изменим немного наше правило и дадим гостю право произнести молитву. Босик, прошу тебя, поблагодари Бога за дарованную пищу.

Глубоко вздохнув и помянув Деда Тита, отринув робость, Я начал:

– Отец-Небо, молю тебя за благодатный дождь, что льёт и орошает Мать. Мать-Земля,

молю тебя за рождение новой жизни, что наполняет этот мир. Мир, в котором есть Я, и найдётся мне пища. Мир, в котором есть Святой Храм во славу Неба, есть Святая Церковь, во славу земли. Благослови нашу пищу, Отец-Небо, да не отвернётся от нас Мать-Земля.

– Аминь. Очень хорошо. Пожалуй, одна из самых интересных и самостийных молитв, что Я слышал. Единственный вопрос, это Ваши слова или так в твоём роду принято?

– Дедушка Тит так говорит. Он в моём селении что-то типа Святых отцов в городище, к его словам прислушиваться нужно...

– Довольно слов! Слуги, время! – Дважды хлопнув, Креститель запустил череду блюд.

Глядя на изобилие еды, кишкоглотка забурлила, заурчала, явно давая понять, что рада такому столу. Из узнаваемого на столе: помидоры, сушеное мясо куслицы ярко-жёлтого цвета и запечённые в мёде ядрица подсолнуха; остальное мне было неизвестно. Запах приправ ударил в нос похлеще обуха топора, травы разных цветов стояли в прозрачных горшках. Передо мной поставили большую глиняную лоханку и вёсла с вилами разного размера. У нас во всём поселении столько приборов для еды нет, сколько собралось вокруг меня. Как бы не опростоволоситься. Первым поставили глиняный горшок с пылу, с жару. Я оглядел соседа, в надежде взять нужное весло, ага, третье по левую руку с хвостовиком, напоминающим рыбью голову.

– Уха по-царски, с водкой и разносолами, – громко и чинно произнёс важный дядька, что командовал служками.

Я набрал до краёв, приняв к отвару. Рыба, но почему-то без запаха тины и гнили. Когда пригубил глоточек, мне обожгло горло горячим. Не привычны мы к готовке на огне, да и тут, в основном, сушеное или сырое едал. Клубни или корешки были мягкие и сладкие, и слегка скрипели на зубах, что-то кислое и водянистое попало на язык, но в общем аромате и вкусе это было лишь на пользу. После, как горшочек попустел, Я мог видеть кусок рыбицы серо-белого цвета и без чешуек, странно-то как: рыбка и без чешуи. Закинув кусочек на язык, примял его нёбом, да это белорыбица, понял Я, никакой горечи и тошноты, как от обычной. Мне казалось, что кусок растаял на языке, так и не достигнув кишкоглотки. От удовольствия Я прикрыл глаза. Просто нега. Очнулся Я от хлопка важного дядьки, что громко сказал:

– Первая смена.

Со спины зашёл служка и отобрал у меня горшок и весло. Стало обидно, что не доел, но сам дурень, вкушал, как знатный, а сам... Тьфу. Проглотил горечь обиды и сожаления, обратил внимание, что передо мной стояла маленькая чаша, заполненная прозрачной водой. Понюхав, Я поморщился, резкий запах ударил мне в нос, хмельное мне противно, и Я отставил её в сторону. Павел, глянув, удовлетворительно крякнул.

Следующее было более понятно: каша на древесном масле, с кусками мяса и овощей. Приправа дёргала за нос, приятно его щекоча и возбуждая жор. Оглядевшись, узрел, как сосед принял вилы-трезубцы с круглым рисунком. Повторив за ним, с трудом закинув вилами первую партию, начал судорожно пережевывать.

– Плов Навруз.

Было очень горячо и остро, как будто колючек жменю закинул в рот. Проглотив, утопил пожар в нутро, но стало только хуже, аж из глаз прыснули слезы. На столе подле меня стояла прозрачная ваза с травой, заполненная водой. Как бы мне отпить глоточек, стыд, да и только. Ситуацию разрешил Яков:

– Налейте гостю огурцовой воды, непривычен он к специям.

Тотчас возле меня появилась кружка без ручек. Жадно отпив добрую половину, принялся

вылавливать куски мяса и овощей из острой каши. Они были менее перчены, и потому распробовать вкус мне удалось. Помятуя, что тарелку могут отнять в любой момент, стал быстро набивать брюхо, отпиваясь водой. Захватил помидор насладиться его мякотью.

– Знаете ли, Босик, ранее этот овощ называли томат или помидор. Но он был красный и круглый изначально, а после изменения жизни и Исхода привычные людям продукты претерпели жуткие изменения. Так вот, была такая баба в селении огородников. Она на себе пробывала овощи, чтобы убедиться в их съедобности и безопасности. Звали огородницу Дора. Так вот, найдя этот овощ питательным и легко поддающимся выращиванию, она начала экспериментировать с другими, при очередной попытке определить фрукт умерла от отравы. Всё, что вышло из её огорода, называли Помни Дору. В памяти людей остался только этот овощ, потому его и называли Помнидору или на новый лад – помидор. Прошу поддержать беседу и ответить на вопросы. Первый из них: какие у Вас планы.

– Сегодня или вообще?

– Начните с сегодня, так как хочешь рассмешить богов, поведай о своих планах им.

– После обедни у меня учительство с Нестором Петровичем. Сегодняшний день мне на многое открыл глаза. В частности, причины Исхода. Жаль, что большинство знаний находятся в запретной части рукописей. Но и без них очень интересно.

– Нестор большой ретроград, вцепился в свое отчество, как клещица, да и знания даёт неполные, чтобы ученику было желание искать продолжение. Но свободное посещение было закрыто после того, как по попущению книгочётов в доступе появилась часть рукописей с ересью. Смуту жёстко подавили, но более в закрытый раздел пускают только проверенных людей. Многие знания, многие печали. Те, кто помнят, как улыбаться, книг не читают, живут сегодняшним днем. Про день Я понял, вечерять где будете?

– Мне нужно немного расторговаться, городище денег много требует. А добро Отцов Церкви перерастает в нетерпение скоро. Мне бы ещё ветерана Смита увидеть да с Септориєм Олегом поговорить.

– Наставник – это важно, да и в будущее смотрите, что весьма похвально. Может, ссудить Вас небольшим количеством монет, в качестве возможной отложенной услуги, когда нам потребуется помощь?

– Не могу обещать, да и должным, при всём моём уважении, быть опасаясь. Благодарю за оказанное внимание.

– Приятно слышать разумные речи от такого юного человека, но поторопимся. Нестор Петрович не любит опозданий, а мы только разогрелись в еде.

– Стейк Филе-миньон куслицы в винно-сливочном соусе, с грибным паштетом.

Большой кусок мяса, размером с две мои ладони, а толщиной в три пальца. Сверху разбросаны травка и крупные зерна. На сей раз мой помощник в определении приборов меня удивил, взяв двузубец и вынув свой нож, обоюдоострый с резной ручкой. Откинув полы курток или жупанов, трапезники повсеместно начали доставать ножи, было несколько жутковато. Оглядев ещё раз, Я потянулся за голенище, но, вспомнив, что переложил подарок, вытащил из кушака нож Убийцы. Креститель в очередной раз крикнул.

– Вы по-прежнему необычный человек, склонный удивлять. Я слышал – Ваш выводок был замечен в драке и в ней показал себя с интересной стороны?

– Ваша правда, отмечая Посвящение и праздник Жизни, были несколько несдержанны в своих порывах.

Мой сосед, придавив мясо двузубцем, отрезал ножом кусочек и отправлял в рот,

тщательно пережевывая. Дед Тит говаривал, что большому куску и рот радуется. Потому всегда рвал мышцы на удивление крепкими зубами.

– Напомните, откуда Вы родом?

– Малое поселение у Камня, в пол дня Пути от Перста. Контейнерщики[2] мы.

Первая попытка отрезать маленький кусок провалилась, но Я настойчив, когда ещё удастся вкушать такое.

– Слушая Вашу грамотную речь, начинаешь сомневаться. У поселения есть название?

– Великим Приказом Совета Отцов мы – дети Мира, и лишь Мать-Земля вправе давать названия местам проживания Люда, а если она его ещё не дала, значит, на то её повеление, и имени пока нет.

– Славный ответ. Спросите Нестора Петровича, что он думает на сей счёт, будете удивлены. По поводу Вашего выводка говорят – это первый случай, когда бился строй в кабацкой драке. И ещё слышал: двое зачинщиков до сих пор в Остроге.

– К сожалению, нет, зачинщик сбежал и вызвал Гвардию, предварительно напоив всех в корчме и подбив на ристалище. А в Остроге мои ближники, торганув имеющиеся у меня дорогие вещи, вскладчину с остальными из выводка, мы планируем закрыть бремя перед управой, хозяином корчмы и городищем.

Передо мной выставили стакан с ярко-красным питьем. Пригубил, понял, что и тут хмельное, хоть и с приятным фруктовым вкусом, напоминает сильно плоды ежи-куста, с крупными иссиня-чёрными ягодами, которые красят рот при поедании и чернят одежду. Отставив в сторонку, удивился скорости, с которой заменили на воду, подкрашенную синим.

– Вам вино не по вкусу? Многие находят его весьма привлекательным и в меру крепким.

– Прошу прощения, Я хмельное не сильно уважаю, оно мне... Оно мне неприятно.

– Вы многое теряете или многое получите, отказавшись от хмеля и дурмана. В целом одобряю Ваш выбор. Есть ли новости, куда Вас собирает Олег?

Отпив воды, посмаковав сладкий привкус, отметил вслух:

– Так это не тайна, мой путь лежит в Северные пустоши.

– Что ж, спасибо за откровенность. Вас проводят, а нам с Братями нужно немного пообщаться о делах Храма. Любой из моих людей, что носят крест, с радостью Вам поможет. Рад был Вас повидать. Прощайте.

Отложив приборы и, заткнув нож за кушак, поклонился и вышел вслед за служкой.

Высокие своды переходов давили почище Острога. Меня всячески подстёгивают, дабы Я склонился на какую-либо сторону, потому как свободный Я им был чем-то неуютен. Им важно, чтобы Я сам принял то решение. Что же, аудиенция, как говорила Агнешка, не за горами, ещё и Амир Полумесяц скоро объявится. А пока в учительскую.

*****

Тем временем в малом обеденном зале воцарилась тишина, служки были удалены, как и их Важный Дядька.

– Начнём с моих ближников. Александр, твоё мнение.

– Очень опасен, я бы даже сказал, крайне: ангельская внешность, хорошая реакция и поступки, неподдающиеся анализу. Своя воля и мораль, отличная от каноничных и навязанных Церковью и Храмом. Дважды ставит обе силы на один уровень, не выделяя чьё-либо превосходство. Необходимо узнать, чему и по каким книгам его учили там, в его медвежьем углу. Очень мало информации, пока все мои выводы на уровне эмоций и интуиции, – проговорил на одном дыхании крепкий муж, с окладистой русой бородой. На

чёрном кафтане блестел металлический крест, подвязанный на простую травяную верёвку.

– Алексей, что известно о его контактах здесь, после появления в городище?

– Тут, всё очень интересно. Легко сходится с людьми, не навязывая свою волю и желания, – медленно и рассудительно молвил следующий, глубоко вздохнув, худощавый парень, с гладко бритым лицом, затем продолжил. – Начнём с разбора появления. На руках его принёс печально известный горбун из отряда Куниц, убийца и жертва в одном лице. Сразу создался образ мученика. Затем его появление на помосте и жертва во имя спасения Люда. Герой, агнец. Весь городище перетирает эмоциональный рассказ о Слезах Матери, даже Я сочувствую его боли. Следом случайно, я проверял, случайно встречает Стражника Третьяка, дебошира и неплохого рубаку, он зачищал мятеж у рыбацких мужиков по заказу Якова, и тут же выходят в Острог, где, пристыдив и дав по морде тюремщику Жужелю, получают доступ к узникам. Затем засветился в нашей корчме, где тремя фразами остановил попойку выводка и пристыдил их. К Нестору Петровичу его отвела Агнешка, собственность Пастора. Из доклада нашего скрытника: есть небольшое пятно в слежке за Босиком. В первую ночь к нему отправили наживку, ладную девку по имени Забава, но, по непонятной мне причине, она ушла безрезультатно. Далее, кто-то очень аккуратно оглушил соглядатая. После того, как он пришёл в себя, сразу натолкнулся на бессознательное тело его коллеги по цеху, Михася Скользяго. То есть кто-то оглушил двух подготовленных бойцов, затем неизвестное время наблюдение не велось, и всю ночь наш клиент был в кровати. Вывод: кто-то очень умелый помогает нашему Светочу. Значит, есть неизвестная сторона.

– Очень интересно. А не горбун ли это случаем?

– Нет, он в тот же день был отправлен в лагерь и утром уже был в нём. Встречный рейд заходил в лагерь и видел его там с неизменной трубкой в зубах. Олег тоже исключается – всё время, купаясь в лучах славы, был на виду. Оба септа Мардук и Вязь расслаблялись в купальнях. Ветеран Смит в лечебнице, Иван прожигал время в Срамном доме. Да и оглушить – не их почерк. Проще пугнуть, нежели рисковать.

– Амир слишком медлителен и напористый для такого. Пока присматриваемся, если Яков или Полумесяц приберут к рукам... Что же, очень жаль, что сторит ещё один Светоч. Слуги, смена блюд!

*****

Учительская комната встретила прохладной после обеденной атмосферой, никто не дразнил или задевал меня. Потому, пройдя в конец, спокойно предавался своим мыслям.

– Начнём с языка и религии. Как многие из нас знают, до Исхода люд верил в разных богов, но найдя приют у лесных отшельников, были вынуждены принять их обычаи и язык, в противном случае их никто не держал. Старообрядцы веровали только в Землю и Небо, так как всё в Мире живёт, исходя из состояний этих двух святых. Мир менялся, и разные языки смешались меж собой, хотя под запретом были все слова, что несли в себе чуждую культуру и срамные слова. От последнего все только выиграла. Носители знаний гибли в схватках с отродьями, коих становилось всё больше и во время гона сбивались в большие стаи, и с кровожадными соседями с Юга, что поклоняются Идолам и приносят в жертву пленников и своих провинившихся соплеменников. В год Жатвы и Страданий, устав от набегов и бесчинств беспокойных соседей, большие и малые города и поселения выставили своих детей и отцов. Огнём и мечом прошли до песков. Враг не бежал и радовался, что Жертва сама пришла на алтари, но благодаря выучке и хорошим, а главное, грамотным действиям отцов, угроза с Юга была устранена. В живых осталось пара племён, что склонились перед

волей Братьев, с ними у нас есть торг и обмен на ничейной земле. Это люди Велеса, так они себя называли. Живут в пещерах, носят шкуры хищных зверей, но безобидные и весьма весёлые ребята. Кое-какие стары слова встречаются, но это пережитки старых времен и, в основном, у Благородных встречаются, потому как их век достигает до шестидесяти-семидесяти лет...

– Вопросы есть?

Я поднял руку.

– Да, новичок.

– Скажите Вашу версию, почему у наших поселений и городищ нет названий.

– Вопрос услышал, дам Вам развёрнутый ответ после занятия, так как времени раскрыть его полностью абсолютно нет. Ещё вопросы?

– Расскажите о роли Светочей в год Жатвы и Страданий, – спросила милая девушка, со смешным вздёрнутым кверху носом и соломенными волосами, уложенными в толстую косу.

– Очень хороший вопрос. Исходя из старых методов, простите, способов ведения боя, люд разбился на отряды по сильным и слабым сторонам характера или тела. Стражи – передовая часть, щитоносцы или копейщики. Волокуши – Строители и копьеметатели. Следопыты – разведка и дозор. Недооцененная ранее сила Светочей – это чуйка и направление до врага. Но войти в то самое состояние могли лишь единицы, основа же несла палатки, факелы. И лишь в редких моментах могли высветить врага, указывая пальцем, но выгорев после использования Дара, валились без чувств. В горячке боя их оставляли позади, что зачастую приводило к их гибели от холода, нападений ворога или диких животных. Лишь потеряв половину и оставшись без вспышек, Отцы приняли решение собрать волокуши и тащить волоком Светочей. От того и названия двух отрядов. Волокуши и Светочи. Позднее противник принялся выбивать Светочей первыми, а потом ослепших Стражей воровать из строя и резать. Потому к Светочам приставили Гвардов или Гвардию, что обороняли чуйский люд. Но к концу похода, в лучшем случае, десяток остался от полной сотни. Позже их набирали для несения службы, но с каждым годом их урождала Мать-Земля всё меньше и меньше. А ведь как было ладно: вместо лагерей и секретов, и необходимостью их содержать, отправляя обозы, теряя людей в лесолесье. Которые своей грудью встречают тварей и отродий, иногда не успевают предупредить округу, а дымовые сигналы нередко подводят в сырую погоду. Святочи, простите за оговорку, Светочи могут под защитой стен смотреть за ордой и загонять их на засадные отряды или в подготовленную ловушку у стен городища, что мы могли наблюдать три дня назад. Так, мы отвлеклись от темы урока. У кого есть вопросы по старым словам и их значениям? Что, Босик?

– Что такое аудиенция? – задал Я мучавший меня с утра вопрос.

– Это встреча, вернее, приём у Знатного родом господина другого лица ниже себя по сословию, на земле или в доме приглашающей стороны. Например, Септорий не может назначить аудиенцию другому Септу или Отцу. Так как, первый ему ровня, а второй выше. Слово старое, прошу Вас его не использовать.

– А что такое, малохольный, тебе назначил аудиенцию младший золотарь? – вновь попытался зацепить меня смазливый.

– Весьма опрометчиво так называть Святого Отца Якова Пастора с Вашей стороны. Но Я передам при встрече о Ваших словах в его Род, – не остался Я в долгу.

– Что ты там себе напридумывал? Кто тебя, дурня, позвал? За клевету у нас принято выжигать клеймо на щеке и резать язык, – раскраснелся от натуги и злостишколяр.

– Тогда Я спокоен за свой язык и ланита, – холодно ответил, повернувшись к учителю.

– Да я сейчас... – вскочив из-за стола, начал было забияка, как рядом с ним появился Нестор Петрович, положив ему на плечо руку. – Сейчас Вы покинете мой зал, и до конца седмицы жду Вашего Наставника. Вы отстраняетесь от занятий.

Парень сбросил с плеча руку, бешено вращая глазами, затем резко вышел, хлопнув дверью.

– Он прав, Босик, – за клевету у нас суровое наказание.

– Сегодня утром ко мне в комнату пришла Агнешка, слуга Пастора, и передала приглашение.

– Я спокоен после Ваших слов. Заканчиваем на этом. У нас сегодня было две темы. Причины Исхода и появление языка и религии. Следующим урок грамматики и чистописания. Босик, ты говорил, что знаком с буквицей и счету. Потому я склонен считать, что урок тебе не требуется. Прощаюсь со всеми до вечернего урока. Прошу не опаздывать, так как я не допущу до занятий. До свидания, и храни Вас Мир.

Дождавшись, когда все выйдут, Я направился к учителю.

– Нестор Петрович, хотелось бы услышать Ваши мысли относительно названий городищ и поселений.

– Я помню вопрос. Кто Вас надоумил его задать?

– Святой отец, известный как Креститель.

– Что же, про клевету Вы знаете, но сказывается мне, что это чистая правда, Я видел служку, что привёл Вас сюда. Люди очень алчны и горделивы. Потому, если вдруг какой городище станет называть себя иначе, то впоследствии будут горды, что зовутся Московитами или Вятичами. Далее их грех разрастётся, как плесень, и пожрёт их здравый разум. Начнут алкать всё больше и больше. Затем начнётся вздор и обиды меж селениями, и лишь боем смогут решить свой вопрос. Потому, все и всюду не имеют названий, ибо Гордыня есть смертных грех.

– Спасибо, учитель; и последний вопрос: кто такой ретроград?

– Хех, опять Павел. Ретроград – это попятчик, тот, что цепляется за старое и не хочет принимать новое. В моем случае – это отчество. Имя моего отца Пётр, оттого я – сын Петра, Петровичев сын.

– Я, значит, Босик Богардович.

– Верно, но Старшие не любят те порядки, потому и выбирают прозвище, затирая и попирая память отцов. Прощай, и постарайся более не цепляться с Галием, юный Святоч, – посоветовал на выходе учитель.

Живот был полным, потому решил малость отдохнуть и сменить рубашку, зайдя в комнату обнаружил, что все вещи перевернуты, а валик-подушка изрезан чем-то острым. На спинке полатей написано моё имя и похабное слово. Что же, хорошая причина переехать на свободные от чужого взора места.

Собрав личные вещи, подвязал их в котомку и пошёл в сторону ворот. Пора собирать бремя для Тарана и Куницы. Окинув тёмные углы Талантом, увидел вчерашнего скрытника. Шёл спокойно, затем, резко повернувшись, посмотрел на алеющие в темноте очертания.

– Плохо следите, вон всю комнату испохабили. Сообщу в управу, что с твоего попустительства произошла порча имущества с использованием срамных слов. Бывай, соглядатай, – высказав свое неодобрение и, более не оборачиваясь, пошёл на улицу.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4sm>